

Д Ирэн Роздобудько

**Двенадцать.
Увядавшие цветы
выбрасывают**

CF FOLIO

Ирэн Роздобудько

**Двенадцать. Увядающие цветы
выбрасывают (сборник)**

«Фолио»

2012, 2006

Роздобудько И. В.

Двенадцать. Увядающие цветы выбрасывают (сборник) /
И. В. Роздобудько — «Фолио», 2012, 2006

В центре романа «Двенадцать...» – женщина со своей неповторимой судьбой. В силу служебных обязанностей она выслушивает жизненные истории разных людей, наблюдает за ними. И совсем не замечает, что и сама стала объектом наблюдений... Роман «Увядающие цветы выбрасывают» – о доме для престарелых актеров... Если хорошо взглянуть в испещренные морщинами лица его постояльцев, можно узнать среди них и известных актрис, и именитых режиссеров. Казалось бы, совсем недавно они блистали на сценах театров и на экранах. И казалось, что слава и красота их вечна. Но цветы завяли и их выбрасывают...

© Роздобудько И. В., 2012, 2006

© Фолио, 2012, 2006

Содержание

Двенадцать	6
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирэн Роздобудько

Двенадцать. Увядающие цветы выбрасывают (сборник)

© И. В. Роздобудько, 2012, 2006

* * *

«Роман – не авторская исповедь, а исследование того, чем является человеческая жизнь в той ловушке, в какую превратился мир».

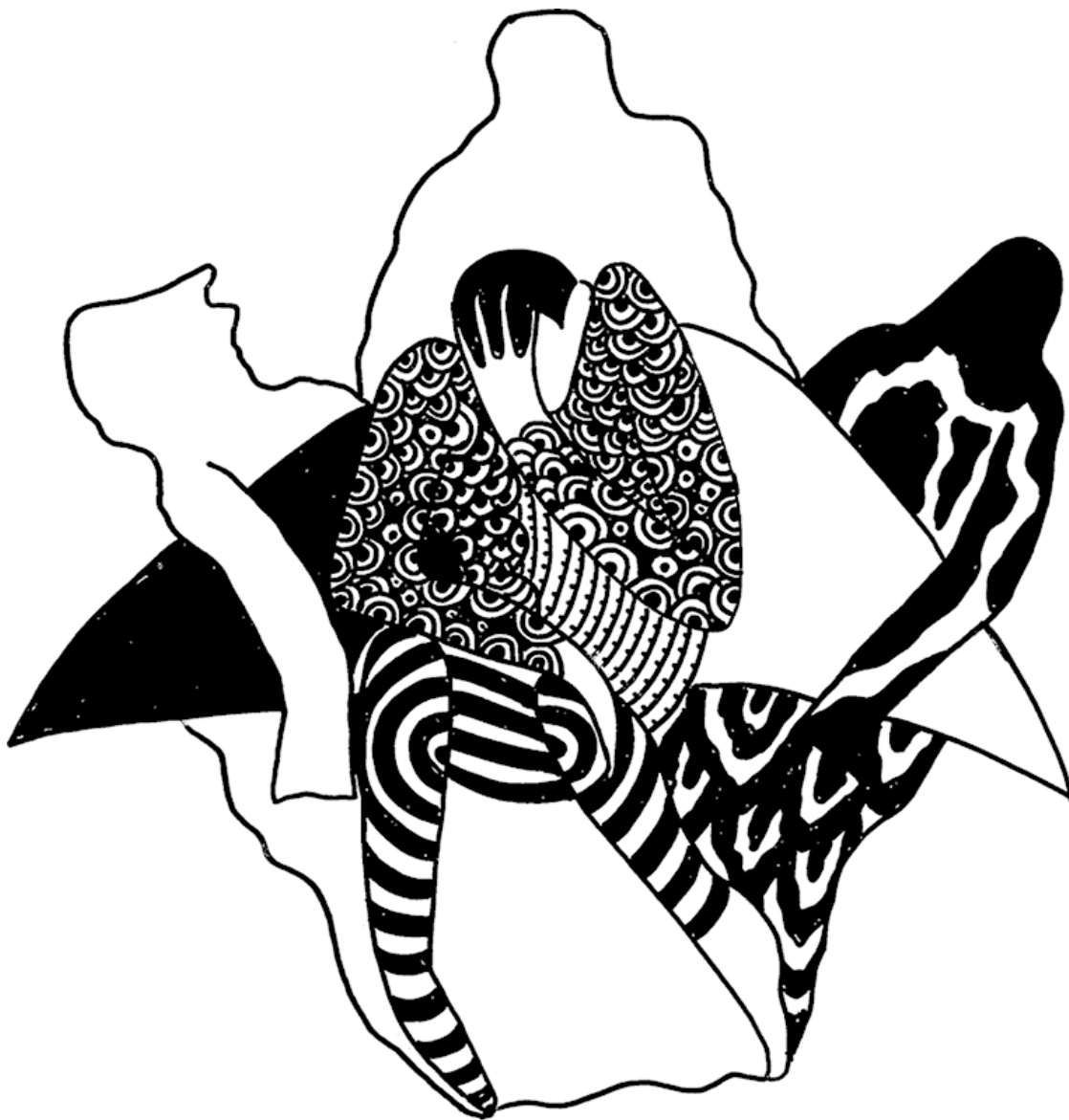
«Во вселенной существует планета, где все люди рождаются во второй раз. При этом они полностью осознают свою жизнь, проведенную на Земле, и весь приобретенный там опыт».

Милан Кундера

«Невыносимая легкость бытия»

Двенадцать

Часть первая

1

...Я выхожу в сумрачное морозное утро – будто ныряю в противную мутную и холодную воду. Включаю автопилот. И просто пытаюсь достаточно четко переставлять ноги. Чтобы идти. Вдоль домов. По аллеям промерзших деревьев. К остановке. Я вставляю в уши наушники и надеваю на нос солнцезащитные очки, хотя солнца нет уже недели две. Просто мне не хочется смотреть на мир. Надеюсь, он ко мне тоже равнодушен. И поэтому он время от времени переворачивается и выливает на меня всю свою грязь.

Я делаю то же самое. В маршрутку передо мной лезет какая-то уродка в шубе из дохлых кошек. «Куда прешься, зараза?» – мысленно ругаюсь я. (Хотя в общем-то я довольно-таки

вежливая и любезная. Порой даже детей называю на «вы»). Потом взгляд выхватывает из толпы какую-то бабу. «А тебя куда несет в час пик? Сидела бы дома у батареи, если они еще греют...» Потом все зло мира концентрируется на юнце с инфантильным выражением лица. Интересно, сколько невинных девичьих жизней он перепортил, прежде чем заляжет на диване в ожидании жареной курицы под соусом тартар?

Этим утром (собственно, такое случается довольно часто) я не люблю мир. И ему на меня наплевать. Он знает, что слишком мал. Он мне тесен. В нем воняет бензином, носками, духами, селедкой. И нет места для сороковой симфонии Моцарта или для «Лакримозы». В нем нет места (и времени) для слез. Вообще-то я не плачу вот уже несколько лет – наверное, пять или десять. Такой себе робот на автопилоте... Надо же было прожить столько лет, чтобы понять, что смысла в жизни нет. И твоя судьба зависит лишь от того, сбросил ли какой-нибудь ангел перышко, пролетая над твоей колыбелью. Хорошо тем счастливицам, к которым прикоснулся он САМ. Но таких немного. Наверное, над моей детской кроваткой почистил свои взъерошенные перья кто-то другой, самый мелкий из божьей свиты воробей.

Иногда на меня накатывает мощная волна благотворительности. Тогда я раздумываю над тем, не собрать ли с улиц бездомных собак или не пойти ли работать в детский дом. Предложение (одной знакомой) поработать в доме скорби застало меня врасплох именно в такой момент.

«У тебя будет свой кабинет, – говорила знакомая. – Работа спокойная. Будешь вызывать к себе пациентов. Часок-другой поговоришь – и свободна! Все равно их вылечить невозможно! А единица такая в больнице есть. Пусть это будешь ты». Я привыкла быть единицей и поэтому сразу согласилась.

И вот я еду в маршрутке, нацепив наушники и очки. Приступ благотворительности прошел, а трудовая книжка уже лежит в сейфе главврача. Надо отбыть хотя бы пару недель.

Я еду. Смотрю в окно. Стараюсь не замечать, что на мое плечо оперся тот самый юнец с розовым лицом резинового пупса. В моих ушах звучит «Лакримоза». С нею я погружаюсь в вечность. И такие слова, как «дерьмо» или «сука», медленно испаряются из моего лексикона. Тетка в шубе из кошек мне уже почти нравится, старая дама вызывает жалость... Моцарт делает свое дело.

Кто-то может подумать, что я – несчастный человек. Ведь у благополучных только одна запись в трудовой книжке, у них есть семья, может быть, дачный участок. А я могу прожить семь пятниц на неделе. И несколько жизней в придачу, пока еду в этой маршрутке. Поэтому, думаю, возможно, сейчас и нашла свое место? В Желтом доме. В уютном кабинете с кушеткой и полукруглым столом. Неплохо, если бы это было так. Посмотрим...

На самом деле не так уж я не люблю этот мир. Я просто хочу перестроить его. Под себя. Для этого нужна незаурядная хитрость. Ведь постоянно приходится делать вид, что сама перестраиваешься под него. Чтобы не выделяться среди других.

Какая-то девочка напротив слишком пристально всматривается в мое лицо. Ее взгляд лишен случайного любопытства. Я это знаю наверняка. Взглянув один раз, она просто сверлит меня глазами. Вернее сказать – поедает. Я даже чувствую, как мое лицо тает, как мороженое на солнце.

– Извините, – наконец нерешительно шепчет она, – это о вас статья в «Подииуме»?

«Подииум» – это иллюстрированный модный журнал.

– Нет, – говорю я, – вы меня с кем-то перепутали.

Девушка в сомнении кивает головой:

– Да нет... На вас был вот этот перстень...

Кольца – это моя слабость. И если в мире много похожих лиц, то сочетание знакомого кольца со знакомым лицом – это уже вещественное доказательство. Цена моей славы – вот такие восторженные взгляды юных девиц, которые мечтают попасть в глянцевого журнала.

– Нет-нет, – повторяю я и отворачиваюсь к окну. Включаю музыку в плеере громче. Я хочу перевернуть эту страницу. Она слишком блестит...

Собственно, я еще ничего не сделала, чтобы привлекать к себе внимание. А все, что достигнуто, осталось в прошлой жизни, о которой не хочется вспоминать. Я давно уже ничего не пишу, но и сейчас слышу этот въедливый вопрос: «Как к вам приходят такие сюжеты?»

Для меня это очень сложный вопрос. Трудно объяснить нормальным людям...

Вот сейчас я смотрю на женщину в шубе из кошек. И меня потихоньку начинает тошнить. Бывают шубы из такого меха, что и не поймешь, что это такое – хвосты или спинка. Кажется, это просто мягкая пушистая ткань фабричной выделки, которая ну никак не связана с убийством, со смертью... Но кем нужно быть, чтобы приобрести именно такую – шкурки, явно содранные с дворовых кисок – серых в тоненькую полоску, сшиты так, что почти видны их распятые тельца. В подмышках серые полоски прерываются двумя белыми пятнышками. У несчастного животного были «особые приметы». Наверное, по ним ее и разыскивала хозяйка, обходя помойки и приюты для животных. «Вы не видели?.. У нее еще два таких пятнышка... белые... на спинке...» Вот они, эти пятнышки, прямо надо мной, под высоко поднятой рукой тетки, вцепившейся в поручень.

Меня тошнит. Надеюсь, вас тоже...

И вот эта тетка в шубе выходит из маршрутки (она, понятно, еще едет, держа над моей головой свою руку с этими пятнышками, но мое воображение уже выталкивает ее наружу), куда-то идет (куда – для нас не имеет значения) и натывается на безутешную хозяйку определенной части своей верхней одежды. Той, что в подмышке. Они могут сначала поболтать о погоде, о детях или мужьях... Пока хозяйка мурки не заметит распятый силуэт с двумя белыми пятнами.

Дальше из этой ситуации можно делать все что угодно. Комедию, драму, триллер. Развивать в разных направлениях, раздувать страниц на четыреста, вводя туда кучу героев – тоже довольно разных. От слесаря Васи до олигарха N.

Дело не в них. Дело в... маленькой гребенке, на которой играет мелодию герой фильма Кислевского «Три цвета. Белый» – сначала на полу парижского метро, потом – в собственном офисе в Варшаве. То есть дело в направлении мысли, в конце концов – в деталях. Вот в этой шубе из домашних животных, в белых пятнышках в подмышках, из которых может разыгаться настоящая шекспировская драма.

Эту историю я никогда не напишу. Она всплыла случайно и канула в небытие. Собственно, их вокруг меня – полно. На них я зарабатывала кучу денег, отправляя когда-то свои первые опусы в разные журналы. В общем-то, это – перевернутые страницы моей жизни. Я сменила имя, постриглась и перекрасилась, бывшие знакомые меня не узнают. Остались такие вот безумные поклонники, как эта девчушка. Да и те узнают меня не потому, что читали, а потому, что мое лицо раньше часто появлялась на телевидении и страницах прессы, в частности модной, глянцевой. То есть такой, которую они читают, надеясь удачно выйти замуж или профессионально намалевать на своем лице черты какой-то Кайли Миноуг. Иногда я получала от них письма. Они воспринимали мои истории всерьез. Так же, как я воспринимала романы своих любимых писателей.

Но когда я поняла, КАК все делается – мне надоело читать.

Непостижимым для меня остался только Шекспир. Технологию других вещей я начала понимать. И когда это произошло, решила – настало время изменить судьбу.

Участие во всеобщей профанации – не мой путь.

– Вот вы какая... – говорит главврач, и я прихожу в ужас: неужели он любитель модных журналов? – Моя жена, когда услышала, что вы будете у нас работать, очень обрадовалась. Велела непременно взять у вас автограф. Завтра я принесу журнал. Она их собирает.

Я молча вежливо улыбаюсь. Внутри поташнивает, сосет под ложечкой, как при чувстве голода.

– Ну вот, – говорит главврач, – сейчас пойдем, посмотрим ваш кабинет.

Он рассказывает о моих обязанностях, о режиме работы, о больнице и персонале.

Для меня главное то, что я буду сидеть в отдельной комнате и, возможно, буду облегчать участь каких-то несчастных своим общением с ними.

– Я назначил вам третью и седьмую палаты, – говорит главврач. – Люди там тихие, спокойные. Единственное, чего им недостает, – это общение. Собственно, должность, на которую мы берем вас, – это мое «ноу-хау».

Он пускается в пространные пояснения, как и почему возникла идея «психоспикера» (так он назвал эту должность). Но мне и так все ясно.

– Прекрасная идея! – говорю я.

Врач продолжает с воодушевлением свой рассказ. Наверное, ему тоже не хватает личного психоспикера. Всем хочется говорить. И всем кажется, что нет ничего важнее событий его жизни. В конце концов, так оно и есть...

Врач ведет меня в кабинет, который должен стать моим. Кабинет уютный, с фигурными решетками на окне. Тут есть кресло, стол со стулом, небольшой шкаф и торшер – для создания иллюзии домашнего уюта. Стены – белые. По ним выются пластиковые заросли. Скоро их сниму, думаю я, заменю на несколько вазонов с настоящими цветами.

– Ну вот, – говорит главврач, – располагайтесь. Можете начать знакомство с вашими подопечными хоть сейчас. В вашем распоряжении – сестра-хозяйка. Она принесет все необходимое. В коридоре сидит дежурная – она вам все покажет и расскажет. Возникнут вопросы – я всегда к вашим услугам.

Он направляется к двери, и я понимаю, что птичка попала в клетку...

– И вот еще что... – оборачивается ко мне главврач, уже стоя за порогом. – Совсем забыл: все разговоры должны быть записаны на магнитофон! Это необходимо для лечения. Встречаются интересные экземпляры...

Он закрывает за собой дверь, до последнего мгновения наблюдая за мной. Последним в щелке исчезает длинный мясистый нос. Я сохраняю приветливую улыбку. Наверное, я тоже интересный экземпляр?..

Позже сестра-хозяйка – полная тетенька в синем халате – заносит в комнату электрический чайник и магнитофон со стопочкой кассет.

Еще через пару минут в дверь стучит дежурная медсестра, которая сидит «на коридоре».

– Сейчас у нас завтрак, – говорит она, – а после двенадцати я приведу к вам первого. Вот его карточка. Ознакомьтесь пока.

Она не проявляет ко мне никакого интереса. Я для нее – новая сотрудница.

Я чувствую, что птичка уже увязает в чем-то мягком и влажном по самые уши.

– Ну конечно! – говорю я, сажусь за стол и раскрываю карточку. С умным видом углубляюсь в чтение. Медсестра точно так же закрывает двери, наблюдая за моими движениями. Наверное, у них так заведено. Так же они закрывают двери палат. Хорошо, что на моей нет окошка, вырезанного посередине.

Я пытаюсь разобраться в разнокалиберных врачебных почерках. Ничего не смыслив в специфических терминах, перелистав энное число страниц, откладываю карточку в сторону. В конце концов, я не врач – я «психоспикер», мне нужно просто побеседовать.

Около двенадцати я начинаю дергаться. Дважды за полчаса я тайком пробираюсь в служебный туалет (для этого нужно просить ключи у «коридорной» – и это очень неприятно), потом вставляю кассету в магнитофон, проверяю, все ли в порядке, сажусь за стол, смотрю на дверь. Наконец в нее стучат. Дверь робко открывается.

– Можно?

Вот он, первый. Я смотрю на карточку и читаю имя и фамилию.

– Пожалуйста, смелее, – приветливо говорю я, нажимая под столом кнопку записи. – Садитесь. Давайте знакомиться.

Я представляюсь и вопросительно смотрю в глаза мужчине без возраста. У него седые волосы, аккуратная треугольная бородка (он мне напоминает Рериха) и светлые, почти прозрачные глаза. Мне немного неловко смотреть на его халат и пестрые тапочки. Ему бы был к лицу твидовый пиджак с галстуком-бабочкой...

– Моего имени история не сохранила, – произносит пациент. – Я – технолог. Можете называть меня так.

– Хорошо. А какого производства?

Он морщится и подергивает плечами.

– Моего имени история не сохранила, – повторяет он и продолжает: – Абиотические факторы – те, что влияют на компоненты экосистем и силы неживой природы. В частности, газовый состав воздуха, температуру, влажность или сухость, привкусы... Но суть не в этом. Она в альбедо, то есть в белизне, то есть в способности поверхности отражать поток излучения, в частности в отражении планетами потока света, падающего на их поверхность... Собственно, я не тщеславный. Суть не в этом.

Я тупо смотрю на его бородку. Глаза пациента излучают непостижимую мудрость. В магнитофоне зря крутится пленка, записывая полную абракадабру. Я не знаю, как прервать этот поток.

– История не сохранила моего имени не только потому, что я сознательно отошел в тень. Все намного проще: было бы странно вписывать себя в свою историю – в рамки, выстроенные собственноручно для других. В совокупности эволюционных процессов у популяции возникают новые виды. Микроэволюция приводит к мутациям, порой к мутуализму – такой форме межвидовых отношений, когда взаимодействие двух видов выгодно каждому из них...

– Это очень, очень интересно, – говорю я, сознавая, что тут – безнадежный случай, название которому может дать только главврач.

Я уже не пытаюсь понять. Мое дело – выслушать. По крайней мере, делать вид, что слушаю... Слежу за тем, как двигаются его губы и подергивается белый треугольник бородки. Интересно, кто так аккуратно подстригает ее каждое утро? Неужели он сам? Наверное, нет, ведь пациентам запрещено иметь ножницы... Постепенно ловлю себя на том, что мне неважно, о чем он говорит. Главное – интонация. А она убаюкивает. Я даже вздрагиваю, когда он перестает говорить.

– Я сделал все, что мог, я умываю руки...

Он добавляет еще несколько фраз и сцепляет пальцы в замок. Сейчас он кажется вполне нормальным. Такой себе мужчина, увлеченный неведомой мне наукой.

– Хорошо, я вам очень благодарна, – вежливо говорю я, выключая магнитофон. – Но в следующий раз мне бы хотелось, чтобы вы ответили на несколько моих вопросов. Договорились?

Он послушно кивает головой. В его взгляде вспыхивает на миг нечто вроде иронии. Ясное дело: ему не о чем говорить с такой невеждой, как я.

Вызываю коридорную. Она уводит пациента. Он покорно уходит, оглядываясь на меня.

– До встречи, – говорю я.

Взглянув на часы, понимаю, что на следующего «клиента» у меня не хватит ни времени, ни сил. Учитывая, что домой мне добираться не менее полутора часов, начинаю собираться. Я еще не уверена, что вернусь сюда завтра. «Ты этого хотела? – говорю сама себе. – Ты это получила. Тихое место, непыльная, хоть и низкооплачиваемая работа и море общения с возможностью молчать». Я бросаю в сумку кассету. Не знаю зачем, но бросаю. Возможно, этот жест – механический?

– Ну как вам? – спрашивает дежурная медсестра, и в ее ухмылке просматривается издевка.

Представляю, что она думает обо мне.

– Интересно, – говорю я.

– Завтра будет еще интереснее, – бесцветным голосом произносит женщина.

Я хочу избежать общения и быстро иду к лестнице. Кажется, выход должен быть где-то слева. Я иду вниз, вдоль белых стен царства теней, прохожу через стеклянную дверь вахты и выхожу во двор. Чтобы добраться до остановки, нужно пройти по фруктовому саду, потом через домик еще одной охраны. На улице холодно, поэтому никто не гуляет. Оглядываясь на здание, вижу в окне третьего этажа размытый силуэт. Почему-то мне кажется, что это он – тот, кто называет себя «технологом». От взгляда сверху у меня всю дорогу к остановке зудит затылок...

В маршрутке я заснула и едва не проехала свой дом, в котором два месяца назад сняла квартиру. Наверное, еще не привыкла к новому месту. Предательская мысль о джакузи и бокале коктейля «Малибу» мелькнула в мозгу, и меня сразу же затошнило. Эту мысль я пояснила тем, что слишком устала сегодня. Еще бы! Шесть часов непонятного монолога!

Дома я выпила стакан теплого молока, сделала себе бутерброд с колбасой и горчицей и залезла в постель. Я люблю есть в постели, будто больная. Но я не больная. Просто это кажется мне уютным. На тумбочке у моего дивана – куча конфет и пустых оберток, вялые апельсины, несколько стаканов из-под молока и сока. Моя б воля, я бы вообще не вставала с дивана. Когда-то я читала о таком человеке, который попал в Книгу рекордов Гиннесса: двадцать лет в постели. Замечу, человек был вполне здоров.

Телевизора у меня нет, поэтому засыпать довольно сложно. Я вставила в магнитофон сегодняшнюю кассету. Может быть, голос снова убаюкает меня?

Удобно устроилась в постели. Если засну – магнитофон выключится автоматически.

...Услышав знакомый спокойный голос, я даже представила себе тихие светлые глаза и треугольную бородку. Но не уснула. Что-то в этом вздоре привлекло мое внимание. Я не могла сформулировать, что именно заставило меня вслушиваться. Монолог напоминал... разноцветное одеяло, сшитое из отдельных лоскутов. Все они были разного размера, с разным рисунком. Что соединяет такое одеяло, думала я, прислушиваясь к голосу. Основа! Разноцветные лоскуты обычно нашиваются на единую основу! У хорошей швеи эта основа совсем незаметна – только пестрый узор. Я вскочила с постели. Сна как не бывало!

Взяв бумагу и ручку, начала записывать несвязный монолог.

С того момента, как я вернулась домой, прошло уже семь часов. Вокруг меня валялась куча исписанных листов, в окне уже таял месяц, ночь переходила в утро. Что дальше? Я столько раз перечитывала написанное, что у меня заболели глаза. Я чувствовала, что в этом вздоре все же должен быть некий смысл.

А если отделить более-менее знакомые и простые формулировки от потока научных терминов? Я взяла маркер и начала подчеркивать понятные мне фразы.

«Моего имени история не сохранила. – Абиотические факторы – те, что влияют на компоненты экосистем и силы неживой природы. В частности, газовый состав воздуха, температуру, влажность или сухость, привкусы... Но суть не в этом. Она в альбедо, то есть в белизне, то есть в способности поверхности отражать поток излучения, в частности в отражении планетами потока света, падающего на их поверхность... *Собственно, я не тщеславный. Суть не в этом.*

История не сохранила моего имени не только потому, что я сознательно отошел в тень.

Все намного проще: было бы странно вписывать себя в свою историю – в рамки, выстроенные собственноручно для других. В совокупности эволюционных процессов у популяции возникают новые виды. Я должен был находиться вне их. Микроэволюция приводит к мутациям, порой к мутуализму – такой форме межвидовых отношений, когда взаимодействие двух видов выгодно каждому из них. Иначе не мог бы наблюдать за всей картиной в целом...»

Набралось страниц тридцать-сорок. Среди них попадались и совсем чистые – без единого подчеркивания. Работа была довольно кропотливой. Когда была прочитана последняя страница, я решилась еще на один подвиг: переписать понятные фразы на отдельные листы. Когда завершила эту писанину, до утра оставалось полтора часа. Пронумеровав страницы, начала снова читать...

«Моего имени история не сохранила. Собственно, я не тицеславный. Суть не в этом.

Было бы странно вписывать себя в свою историю – в рамки, выстроенные собственноручно для других. Я должен был находиться вне их. Иначе не мог бы наблюдать за всей картиной в целом. Был бы лишь ее деталью – ОДНОЙ из деталей. Песчинкой в пригоршне песка. А так – я сам держал этот песок в своей ладони и просеивал его сквозь пальцы. Быстро или медленно. Быстро или медленно...

Только однажды я пожалел, что нахожусь ВНЕ ИГРЫ. Что моя жизнь проходит не так, как у других, что обречен на долгое одиночество вместо мига сладкого падения в неизвестность.

...Это было очень давно. В вашем представлении это «очень» ограничивается пятью, десятью, двадцатью годами собственной жизни. Или же двумя-тремя столетиями, но тогда вы не придаете значения этому «очень», листая страницы учебника истории. Все же «очень давно» – это находиться в пределах собственной жизни. Ведь другой для вас не существует! «До» и «после» поражают воображение только тогда, когда этот промежуток времени отражается на собственном лице.

Остальное – дым...

У меня же все иначе.

Мой план оказался гениальным. Я шел к нему не спеша. Я имел возможность размышлять над ним очень долго. Сам не знаю, как пришел к правильному решению. Скорее всего, это произошло случайно, интуитивно. В общем-то, как и все гениальное. Я попробую так же просто рассказать о нем. Намного проще, чем делал это прежде. Ведь то, что вы уже знаете, – лишь обобщение, ПРОГРАММА. Обычно за такими серьезными открытиями кроются другие – почти абсурдные, курьезные. Все великие открытия начинались с ванны Архимеда, яблока Ньютона или снов Менделеева.

...Каждое утро я встречал ее у источника. Ее стали посылать туда, едва она достигла семилетнего возраста. Идти было далеко – сначала по желтой равнине, потом – в гору, под лучами палящего солнца. Кроме того, кувшин был слишком тяжелым для ее худеньких, измазанных золой и козыми кизьяками ручинок.

Я видел сотни таких малышей. Прежде и сейчас. Все они в семь лет мечтают быть принцессами, в четырнадцать – воюют с прыщами, в двадцать умирают от любви, а в тридцать – от скуки и тяжелого труда. Есть, конечно, «вариации на тему». Но не для тех, кто в семь лет ходит за козами. Их судьба чаще всего не имеет вариаций...

Итак, я видел ее у источника. Перед тем как подставить горлышко кувшина под струю, она умывалась. Долго терла лицо, отмывала ладони. Особенное умиление у меня вызывало то, как она моет ступни – упрямо трет их камешком, внимательно рассматривает и снова трет, пока они не становятся нежными и желтовато-розовыми, как пергамент, светящийся

на солнце. Потом ровная струйка со звоном лилась в кувшин. Лилась так долго, что девочка успевала немного вздремнуть на большом круглом камне. Сквозь дремоту она прислушивалась к звуку и просыпалась как раз в тот миг, когда вода наливалась до краев. О, забыл сказать, она говорила воде: «Добрый день!» – когда приходила, и «Спасибо!» – когда кувшин наполнялся водой. Одним словом, обычная маленькая девчушка...

Я видел всю ее будущую жизнь настолько отчетливо, что мое сердце порой сжималось. Я знал, что в тридцать, нарожав кучу детишек, она увянет, будет носить черную тунику и платок, пряча под ним поредевшие волосы и сожженное солнцем загоревшее лицо. И точно так же будет приходить к источнику, только уже не станет говорить воде ни добрый день, ни спасибо... У нее уже сейчас был уставший вид.

Однажды я не сдержался и, пока она дремала, вылил половину воды из кувшина, давая ей возможность поспать подольше. Делал так несколько раз. Когда проделал в четвертый, девочка мгновенно вскочила – наверное, прислушиваясь к собственному ритму, она не могла спать так долго.

– Ты где? – звонко крикнула она.

Чтобы не испугать ее, я должен был отозваться и сказал, что я тут, рядом, но такой старый и уродливый, что лучше ей меня не видеть.

Она и не настаивала на моем появлении. «Может быть, ты и уродливый, но ты – добрый, – сказала она. – Я знала, что ты есть. Я тебя ЧУВСТВОВАЛА!» Вот такая это была девочка...

С тех пор мы начали беседовать. Она приходила и всегда спрашивала одно и то же: «Ты – тут?» Сначала я сомневался: стоит ли отзываться? Но ее глазенки так старательно скользили по зарослям и каменным глыбам, в них было столько ожидания, что я не мог не ответить.

Вот так я и узнал, что живет она в бедной семье своего дяди, что у того куча детей и она должна присматривать не только за козами, но и за своими младшими братьями и сестрами. Обычная история! Я знал множество таких. Но что-то было в этой малышке. Я спрашивал ее о каких-то взрослых странных вещах, развлекая себя и волнуя ее детское воображение. Но она всегда находила удивительно мудрые и простые ответы. Дети бывают довольно мудрыми. Не ведая о мире дальше своего селения, она рассказывала мне о звездах, которые могут видеть все на свете, и убеждала, что там, за горами и морем, тоже живут люди. И их жизнь очень похожа на жизнь в ее селении. А если это правда, то у них тоже есть дети, они готовят еду, разводят коз. «Но это же скучно, – возражал я, пытаясь сбить ее с толку. – Одно и то же каждый день! Чем же они в таком случае отличаются от камней, воды, животных?» – «Они – мечтают!» – уверенно отвечала девочка. Если бы она могла видеть мою улыбку! «О чем?» – стараясь быть серьезным, спрашивал я. Она внимательно осматривала камни и растения у источника, надеясь отыскать мои глаза. И, не находя их, уверенно отвечала: «О том, чтобы всегда была вода. Солнце. И звери. Чтобы дети не болели. Чтобы... чтобы всем людям на ладошку досталось по бабочке! И чтобы никто не умирал».

Вот такая это была девочка...

...Еще вчера она терла свои нежные пятки ребристым камешком, и они светились, будто пергамент. Но время несло быстро. Я даже не заметил, как наши разговоры усложнились, а вместо одного кувшина она уже несла два, таких больших, что походка ее стала тяжелой. Прямо поверх коричневой туники она набрасывала яркий бирюзовый платок с золотой каймой – подарок соседа-плотника, а глаза ее тоже становились бирюзовыми и такими выразительными, будто были нарисованы кобальтовой краской. Она, как и прежде, старательно умывалась перед тем, как набрать воду, и по обыкновению звала меня.

Я же полностью расслабился, совсем утратил осторожность. Ведь я тоже был одинок, и этому одиночеству предстояло стать еще более безмерным. Теперь мне было обидно за ее участь, которую я видел в деталях и которая стала для меня еще яснее, стоило ей надеть этот бирюзовый платок с золотой полоской... Я не сдержался. «Помнишь, ты говорила, что хочешь, чтобы всем людям на ладошку досталось по бабочке? – говорил я. – Но это, пойми, невозможно! Там, за твоим селением, люди убивают друг друга. Они недобрые и тщеславные. У них есть вода и солнце, но им нужно больше. Намного больше, чем нужно тебе!» Я видел в ее глазах печаль и поэтому продолжал мучить ее: «Что бы ты могла сделать, чтобы все изменить к лучшему?»

Откровенно говоря, я и сам размышлял над этим. Моя вина в том, что я будоражил этими мыслями ее, сваливая все проблемы на эту юную душу, и... ждал ответа. Разве я имел на это право?! Что она, тринадцатилетняя крестьянка, могла предложить? Бирюзовый платок? Свою тряпичную куклу? Кувиин? Новорожденного козленка?

Она задумчиво оглядывалась по сторонам. «Я? А что у меня есть, кроме жизни?..» – обращалась к пустоте. И я задыхался от этого ответа. «Но, отдав жизнь, ты не ощутишь глубину этой жертвы, – продолжал добиваться я. – Отдать жизнь – это одно мгновение, после которого исчезает все – боль, страх, реальность. Это слишком просто». Она напряженно морщила лоб, дергала край платка, смешно сдувала прядь волос, падающую ей на лоб. «Я бы могла отдать самое дорогое... То, что принадлежало бы только мне и что было бы горько отдавать...» – «Что именно?!» – не успокаивался я. И она прибегала к истинно детским уловкам, отвечая вопросом на вопрос: «А что будет с другими?»

Тут мы не понимали друг друга! Я вынужден был открывать ей удивительные вещи. Она слушала, затаив дыхание. Даже замирала серебряная струйка воды, лившаяся в кувиин. Очень осторожно я рассказывал ей о Леонардо да Винчи, Паскале, Копернике и Бруно. (Понятно, что я не называл ни одного конкретного имени – боялся сглазить. Главным в моих историях было то, что произойдет потом, если мир станет целостнее, совершеннее, подчиненным одной общей ПРОГРАММЕ.) Я говорил о крыльях и законе всемирного тяготения, о теории вероятности и классической механике.

Конечно, все это было старательно упаковано в яркую сказочную обертку, чтобы она не испугалась. «Да, да, – в восторге говорила она после каждой такой сказки, – это замечательно! Но... что тогда будет с другими?»

И я был вынужден вдаваться в еще более трагические вещи, без которых невозможен прогресс. Я рассказывал про Жанну д'Арк и Евдокимоса Диокесиса, про Симона Боливара и Шамиля, про Ференца Ракоци. В ее глазах вспыхивал синий огонь, от него пылали щеки и лоб, сплетенные пальцы нервно сжимались. «Да, да, – шептала она. – Но что будет с другими?!» Я был готов провалиться сквозь землю. Хитрюга! Слово за слово она вытянула из меня почти все! Не понимая, что она имеет в виду, я должен был цитировать Александра Македонского и Макиавелли, говорить о Дракуле, Гитлере и Сталине, Чаушеску и Пиночете! Голова у меня шла кругом. Упрямая, неразумная крестьянка! Своими «другими» она сводила меня с ума, доводила до неосмотрительных поступков и абсурда.

Она и сама не знала о своем редкостном даре – чувствовать людей и их настроение. Поэтому шептала: «Ну не сердись, успокойся. Если бы что-то зависело от меня, я бы согласилась отдать самое дорогое. Ты должен мне верить!»

Я верил. Но понимал, что у нее ничего нет. Кроме бирюзового платка с золотой каймой.

...Солнце немилосердным острым плугом вгрызалось в эту каменистую землю, от чего трескались самые твердые скалы. Она не приходила к источнику уже несколько недель. Порядок был нарушен. А я не люблю беспорядка.

Наконец она появилась. В этот раз голова ее была плотно обвязана тем самым платком, а сверху надета коричневая длинная накидка, которую придерживал на голове деревянный обруч. Я все понял: ее выдали замуж.

Милая маленькая девочка, подумал я, тебя не спасли твои проникновенные синие глаза и густые каштановые волосы, ты не стала принцессой. Или, по крайней мере, женой сборщика налогов, торговца медью или молодого городского жителя. Они обходили селение десятой дорогой, презрительно зажимая нос. Теперь мне остается только наблюдать, как в тебе угаснет свет. Твой маленький скукожившийся мирок – с его козами, кувшинами, чугунками, сомкнутыми веками, покрывалом, плотно облегающим голову, протертым манным супом, хмельным бормотанием, визгом пилы и стуком молотка, с заскорузлыми старческими пальцами праведника-плотника и его тайной зависти к твоей юности.

...Она подошла к источнику чинным шагом, как взрослая. Она копировала старших и старалась выглядеть серьезной.

Она молчала. Я знал, что она стеснялась обратиться ко мне, как прежде. И не могла понять почему. Но я знал: за несколько лет наших «тайных свиданий» она стала другой. Точнее не стала – она и была другой. Просто я помог ей почувствовать это. И вот теперь ей было стыдно от того, что она не оправдала моих надежд.

«Семья разрослась, – наконец тихо сказала она, садясь на камень. – Они больше не могут кормить меня. Да и дети подросли. Теперь есть кому ходить за козами...» Я молчал. «Мой муж очень старый, – продолжала она. – Он очень добр ко мне. Он всегда был хорошим человеком. Он угощал меня патокой...» Я молчал. «У него свой дом. Окно выходит в сад...» Я молчал. «Я боюсь только одного: у нас не будет детей. А это было бы для меня самым дорогим. Самым важным...» Я молчал. Но на этот раз мое молчание обрело смысл. Я молчал, пока она умывалась, набирала воду, поправляла волосы, выбившиеся из-под платка. Подождав еще с минуту, она медленно пошла в гору, неся на плечах тяжелые кувшины...

Все сбылось. Все наконец выстроилось! Не хватало лишь этого маленького звена. Я радовался. Я уже знал, каким образом уложить все в четкую и стройную систему: инициатива должна исходить не от меня. Кто бы мне поверил? Я создал ТЕОРИЮ, но никак не мог воплотить ее на практике. Ведь нужно было еще нечто – то, чего в ней не хватало, – вот эта девочка из маленького грязного бедного селения. Маленькое НИЧТО, мечтающее, чтобы «всем на ладошку досталось по бабочке». И только я мог превратить это ничтожное НИЧТО, эту крохотную временную жизнь в великий подвиг. Ведь она была готова отдать «самое дорогое».

Потом появилась динамика. Как говорят теперь – позитивная. Я сдвинулся с места, на котором так долго топтался...

Я снова заговорил с ней. И говорил так откровенно, что спустя какое-то время она прибежала к источнику, сияя от счастья: применяя зелья, строгий режим и еще тьму-тьмущую лекарственных премудростей, она сумела побудить своего старого мужа к продолжению рода.

...Наверное, нет смысла продолжать рассказ – что было потом, вы хорошо знаете.

Но если бы мое сердце не было таким большим и емким, оно бы разорвалось от одного воспоминания о том, как она отдавала это «самое дорогое» в тысячи чужих рук.

Только один раз она пришла к источнику, только один раз рвала на себе волосы. И уже не была похожа на ту маленькую девочку, которая говорила воде: «Добрый день!» Я попробовал напомнить ей о нашем уговоре. А потом замолк, глядя, как она лежит у воды и тоненькая струйка бьет ей в голову. В почти седую, серебряную голову. Такую же серебряную, как эта вечно юная струйка воды...

Я всегда знал, что мир должен быть гармоничным. Но эту гармонию нужно создавать собственными руками. Природа – только подсказка, полотно же мастера – дело рук. Размышляя таким образом, я прибегаю только к одной, но очень важной хитрости.

В ту ночь, когда она лежала у источника, а ее замученный сын – в пещере, вход в которую закрывала огромная глыба, я понял, что именно сейчас нужно сотворить «чудо»! Потом будет поздно. После ее сына появится кто-то другой, потом – третий, четвертый... Время не ждет. Идея гармонии, системы, ПРОГРАММЫ откладывается. А я больше не мог ждать.

Я пошел к пещере, выждал момент (превратившись в доброго старца, напоил стражу и женщин, голосивших неподалеку, сонным зельем – не буду вдаваться в подробности, как я это сделал) и, отваливши глыбу, вынес тело...

Я знал: утром теория будет подкреплена фактом. Отныне я мог спать спокойно...

...Много времени в вашем представлении – или вечность, или пять, десять, двадцать лет собственной жизни. Девочке у источника я подарил первое. Теперь я вспоминаю ее все чаще. И с ужасом понимаю смысл ее настойчивого вопроса: «А что будет с другими?»

Не ученых и героев она имела в виду. Она знала, чувствовала, что их миссия неотвратима, естественна. Так же естественна, как... рождение козленка с белой меткой в сером стаде. Это было ей понятно. ДРУГИЕ. Вот о ком волновалась она. Ученые и герои заслуживают какой-либо жертвы, но их так мало по сравнению с другими!..

Страшные тогда были времена. Кровь и песок! Кровь, смешанная с песком, теперь лежала под ногами в виде терракотовых шариков, «полезных ископаемых», жирных черноземов. За что я заставил ее страдать?

Я – технолог. Я могу придумать все, что угодно. Моя жизнь такая долгая, что сейчас в ней больше прагматизма, чем милосердия. Подчиняясь собственному азарту, я делал слабых богатыми – и они становились сильными. Я разрабатывал хитроумные и порой жестокие стратегии, чтобы побудить других к сопротивлению, к любви, к мысли. Но они подчинялись силе. Я нагружал их только той ношей, которую они могли вынести, но они ломались и предавали друг друга. Я дарил им шанс, а они пугались и ничего не делали.

Потом мне надоело экспериментировать. Я сделал все, что мог. Я больше не могу придумать ничего нового. Я умываю руки...

У меня есть лишь одно оправдание: я подарил девочке у источника и ее Сыну вечность. Моего имени история не сохранила...»

2

Мои сомнения развеялись. Я поняла, что не оставляю работу. Даже спать перестало. Я собрала расшифрованные странички и спрятала в папку. У меня даже мысли не возникло показать их главврачу. Хватит с него и кассеты. Вряд ли он станет заниматься такой нудной работой, которую провела я. И никто другой, уверена, этого делать не будет...

Собственно, то, что я сделала, – обычная профессиональная привычка. Она сохранилась после того, как у меня пропало желание читать. А это желание пропало последним вслед за многими другими – например, ходить в театр, есть сладкое, пользоваться мобильным телефоном, общаться в лифте с соседями, покупать продукты, заводить любовников, принимать участие в презентациях и вечеринках, лечиться, плавать в бассейне, крутить педали велотренажера, носить бюстгальтер, красить губы, смотреть телевизор, слушать радио, чистить обувь, следить за модой, писать письма, варить кофе, подметать пол, выносить мусор, думать, нюхать цветы, чистить рыбу, рисовать, играть на музыкальных инструментах, получать деньги, делать какой-либо выбор, спать, ездить, мыть кафель, пить витамины, здороваться, производить тосты, жарить мясо, делать голубцы, открывать двери, застилать постель, вытирать пыль, говорить, плакать, смеяться...

Желания отпадали постепенно и долго. Это был интересный процесс. Начался он с другого чувства, когда я еще активно функционировала в общественной жизни.

Итак, это случилось в театре. Внезапно меня начал душить стыд, настолько, что я закрыла глаза и не могла смотреть на сцену, где шел спектакль. Взрослые люди произносили перед темным залом чужие слова. Сначала они их заучивали, после этого наполняли эмоциями и чувствами, потом добавляли к словам разные движения. Стыд змеей обхватил мою шею и начал ее медленно сжимать. Толпа людей в красивых нарядах сидит в темной бездне и молча смотрит, как другая, гораздо меньшая толпа их одноплеменников суетится в круге света напротив. От удушья я начала кашлять, и одновременно из разных уголков зала, как в ответ на пароль, ко мне присоединились такие же точно несчастные. Своим кашлем я выпустила джиннов, которые давно скреблись в легких других зрителей. В зале случился эффект массового психоза.

– Ты что, простыла? – спросил мужчина, сидевший слева от меня.

Я не ответила. Мне захотелось снова проверить этот эффект, я опустила руки в театральную сумочку и начала осторожно разворачивать конфетку, с интересом прислушиваясь к залу. Минут пять зомбированные мною единомышленники сидели тихо, а потом я услышала такой же шорох со всех сторон. Он был почти неслышен для других – зомбированных тем, что происходит на сцене, но для меня он прозвучал, как шум океанских волн. Я поняла, что не одинока...

Собственно говоря, все это я проделывала, чтобы заглушить стыд, который все крепче сжимал мое горло. Потом я встала и начала пробираться к выходу.

Вела я себя, конечно, неучтиво. И была этим очень смущена.

Дальше все шло по восходящей... Дома я вдруг выключила телевизор в тот момент, когда в выпуске новостей транслировали беседу двух президентов. Они сидели друг напротив друга и говорили, будто не замечая камер. Почему-то этот момент тоже показался мне верхом стыда. В мозгу всплыла фраза Элизы Дулитл: «На улице прекрасная погода, миссис Хиггинс!»

Волноваться я начала лишь тогда, когда стыд начал меня душить повсюду, где бы я ни была...

С утра я уже сидела на своем рабочем месте. Мне не терпелось перейти к следующей истории. Для главврача это история болезни, не более. Потому что полкассеты я старательно стерла, перед тем, как ее отдать.

Я уже поняла, что могу пообщаться только с одним пациентом в день, и когда дежурная медсестра спросила, кого привести: вчерашнего мужчину или новую пациентку, – решила сначала познакомиться со всеми и попросила привести женщину...

На этот раз я выслушала вполне связную историю. Я спешу пересказать ее, чтобы не забыть, поэтому не обращайте внимания на почерк.

«Так случилось, что в свои двадцать лет я осталась одна... Помню, как когда-то мечтала быть хозяйкой большого дома, бродить по просторным комнатам, разбрасывать вещи где попало, доставать из холодильника сырые сосиски и есть их с горчицей, задыхаясь от ее обжигающего вкуса, валяться до полуночи перед включенным телевизором и не мыть руки после прогулки. И вот теперь я все делаю именно так, но задыхаюсь не от жгучей горчицы, а от настоящей горечи. И пустота квартиры меня не радует. Это – ужасная, гнетущая пустота. Разве об этом я мечтала? Хотя прошел уже год после трагической гибели моих родителей, они навсегда остались тут – в этом доме. Каждое утро я вспоминаю, как в ТОТ день они по очереди чмокали меня, сонную, в щеку, одевались в передней, звенели ключами от машины. Помню даже, как загудел на лестничной площадке вызванный ими лифт. И конечно, мне не забыть взрыв, раздавшийся минутой позже во дворе. Я тогда едва оторвала голову от подушки. Подумаешь! Сейчас такое случается повсюду. А особенно в нашем престижном районе...

То, что я осталась одна, осознала спустя недели две после похорон, когда инспектор по криминальным делам, захакивавший ко мне чуть ли не каждый день, сказал, что «дело сдвинулось с места», преступников нашли и большие меня беспокоить не будут. По-дружески посоветовал устроиться на работу или хотя бы строго контролировать поступление на мой счет денег, которые зарабатывает концерн моего отца, – он был одним из главных основателей и успел составить документ на наследство, – и конечно же, быть «разборчивой в знакомствах и связях».

Ни знакомств, ни связей у меня не было. Только сейчас я могла подвести неутешительный итог: я не только осталась одна – у меня не было ни близких друзей (родители старательно оберегали меня, запугивая киднепингом в детстве и претендентами на мою руку, падкими до отцовских денег, когда я повзрослела), ни знакомых, кроме двух-трех соседок – маминых приятельниц. Они изредка навещали меня поначалу, пока я не пришла в себя.

Вот так я и стала хозяйкой большого дома, который был уже не в радость. Меня вполне бы устроила маленькая квартирка, в которой я затаилась бы, как мышь в норе, и не выползала бы из нее до самой старости. Зачем мне вся эта роскошь? Пять огромных комнат, заставленных антикварной мебелью, увешанных картинами-оригиналами (коллекция отца), с библиотекой, в которой самой дешевой книгой была «Тысяча и одна ночь» на рисовой бумаге, в обложке с орнаментом из настоящего золота, – это из увлечений матери. Сама же я была – никто. Любимый ребенок, которого оберегали от всякого губительного влияния, а тем более от работы. Даже диплом искусствоведа отец мне просто-напросто купил, увидев, как мне трудно подниматься рано утром и идти в ненавистный институт. О чем же я думала раньше? Честно говоря, я считала, что так живут многие. Ведь о жизни я знала только тот минимум, который необходим ребенку обеспеченных и влиятельных родителей.

Потеряв их, я решила взяться за ум. Начала с того, что уволила горничную, выдав ей приличную компенсацию и узнав от нее, где покупают те или иные продукты, как платить за квартиру, как пользоваться стиральной машиной, пылесосом, как вызывать слесаря и куда обращаться по ремонту автомобиля. День за днем я самостоятельно обучалась тому, чего никогда не знала и не умела. Бывало к вечеру валилась в постель совсем обессиленная. Но квартира содержала в порядке и от голода не умерла...

У меня никогда не было друга. Помню одноклассника, которого однажды пригласила в гости. Он мне очень нравился, и мне хотелось похвастать перед ним тем, что у меня есть. Но после этого визита даже в нашей элитной школе я приобрела репутацию «белой вороны» и «буржуйки». Да и родители запретили водить в дом посторонних. Большие у меня никого не было. Сейчас – тем более. Я ловила себя на мысли, что знания мои – книжные, а обороты речи – старомодные, как в средневековых романах. Я поставила на себе жирный крест. Мне даже не светило взять из детдома хорошенького мальчика – не передавать же отцовское добро чужому по крови! Словом, в бурном море, окружающем меня со всех сторон, я чувствовала себя затерянным островком. Как долго это могло продолжаться, я себе не представляла.

А потом случилось чудо... Нет, лучше – все по порядку. В то утро я отправилась в супермаркет. Обычно я проводила в его дебрях по несколько часов, раздумывая над тем, что же мне нужно для хозяйства, загружая тележку кучей ненужных вещей и проклиная себя за беспомощность и непутевость. Несмотря на то что было утро и у касс людей было не так уж много, но все они – я ощущала это кожей – смотрели на меня с неприкрытым удивлением: продуктов и всяких мелочей в тележке набралось на несколько сотен. Когда же наконец я выкатила тележку на улицу и направилась к своему автомобилю, меня окликнули:

– И вы все это съедите? Или у вас человек двадцать в семье?

Я обычно не обращаю внимания на подобные шутки, а тем более – выкрики в спину. Но приятный тембр голоса все же заставил меня оглянуться. На обочине стоял мужчина и насмешливо на меня смотрел.

Я не знаю, что отвечать в подобных случаях. То ли огрызнуться, то ли обстоятельно ответить на вопрос? Я выбрала второе и рассказала, что семьи у меня нет и что такие покупки делаю раз в два месяца, а потом половина продуктов портится, а половину приходится раздавать соседкам. Он смотрел на меня сначала с удивлением, потом – с сочувствием. И от этого взгляда мне хотелось заплакать. Я извинилась и пошла дальше, но он догнал меня.

– Могут ли вы мне чем-нибудь помочь?

Я ответила, что было бы неплохо, если бы он помог загрузить все это добро в багажник. Он с удовольствием этим занялся. А я смотрела на его стриженный затылок и представляла, что это – мой муж, или отец, или брат, или дядя. И что вот сейчас он сядет за руль и скажет: «Детка, пристегни ремень!» И все станет на свои места. Останутся позади одиночество, страх, неизвестность, неприкаянность, и жизнь потечет привычным руслом. Мужчина распрямил спину и вдруг сказал:

– А хотите я вас подвезу? Я умею водить.

Я хотела. Он открыл передо мной дверцу, а потом сел за руль и сказал почти так, как я представляла себе минуту назад: «Детка, пристегни ремень!» Может быть, это прозвучало немного иначе, но я услышала именно это: «Детка...» И... заплакала. Забыла сказать, что я не плакала ни на похоронах, ни позже. Просто не могла. А тут!..

Он помог мне донести до квартиры все мои покупки, я угостила его кофе, а он приготовил яичницу, я открыла все «вкусные» баночки, которые купила в супермаркете. Он был первым в этом доме, кто не разинул рот, увидев картины, мебель, раритетные ковры и посуду начала прошлого века.

С тех пор он часто заходил ко мне. Поначалу я побаивалась – не охотник ли это за отцовским богатством, не вор ли, не ловецас?.. А он говорил, что у меня красивые руки, прекрасные глаза. Он говорил, что я умна и несправедливо одинока. От него всегда пахло хорошим одеколоном. Очень изысканным, от Шанель – «Платиновый эгоист». Я не очень-то разбираюсь в этих фирмах – отец, как человек старорежимный, признавал только отечественную парфюмерию, поэтому мне был незнаком такой соблазнительный и головокружительный аромат...

Я не знаю, что такое любовь. Я никогда прежде не любила, а тем более ни с кем это не обсуждала. Как я могла думать о таких великих и важных вещах? Я могла бы спросить у него. Но разве об этом спрашивают у того, кого любят? Я не знала. А поэтому все же решила спросить.

Он помрачнел и закурил свою коричневую ароматную сигарету:

– Ты меня опередила, любимая. Но если бы не это – я бы никогда не решился... Слышишь, никогда! Все это, – и он обвел вокруг рукой, – не для меня. Я не смею быть с тобой. Силы наши неравны... Да и жизнь меня немало потрепала. Мне страшно начинать все сначала.

Он говорил, как Рочестер из «Джэн Эйр» или как другой похожий герой, – так красиво говорили только на страницах моих любимых книг. Я захотела объяснений.

– Хорошо, но история моей жизни печальная, – услышала в ответ.

К печальному я привыкла давно – это мне было понятнее и ближе, чем тишь, в которой я воспитывалась. И он рассказал мне о себе. А я слушала, понимая, что нашла то, что мне нужно, – такую же одинокую душу, пережившую утраты и трагедии. Оказалось, что он был женат несколько раз. Две первые жены умерли, у третьей женщины, с которой он надеялся связать свою судьбу, после двух лет безоблачного счастья проявилось психическое заболевание, в связи с которым она находится в клинике.

– Наверное, это судьба, – говорил он. – Есть люди, которые по своей природе не могут быть счастливыми. Грустно осознавать, что я – один из них... Тебя это не пугает?

Меня не пугало. Наоборот. Я поняла, ради чего мне стоит жить.

– Я не умру, – сказала я, – и не сойду с ума. У меня крепкое здоровье. Меня с детства пичкали кучей витаминов!

Он засмеялся и привлек меня к себе.

Меня никто еще не обнимал...

Мы не хотели пышных торжеств, поэтому расписались в маленьком ЗАГСе, не сообщив об этом никому, кроме моих соседок. Да и кому должны были сообщать – мы были одиноки, созданы только друг для друга.

Я уже ничего не боялась. Муж взял на себя все заботы и запретил мне выезжать в супермаркет, возиться с мытьем окон и полов, освободил меня от множества других хлопот. Я оставила за собой приятное право готовить ему ужины. Целыми днями читала, слушала музыку, смотрела в окно и ждала его звонков с работы. Все вернулось на круги своя, с той лишь разницей, что я действительно стала хозяйкой большого дома – женой, хранительницей домашнего очага. Об этом мечтали мои родители. Но уверена, если бы они были живы, то нашли бы мне «выгодную партию» и я была бы лишена настоящей любви – такой, какую испытывала теперь. А любила я каждой клеточкой своего тела, могла бы полностью раствориться в лучах этого чувства. А еще было острое чувство жалости. Как глупы те, кто утверждает, что жалость унижает! Нет, это приправа к настоящей любви, замешанная на страхе потерять и желании уберечь. Порой, когда я смотрела на своего мужа, мое сердце сжималось – он казался мне мальчиком. Как он мог выжить в этом мире без меня? Я уже знала, что оба раза после смерти своих жен он оказывался буквально на улице. У него все отбирали алчные родственники, а его вышивывали, как котенка, как использованную вещь. Мир стал жестоким, а он не умел приспособиться к нему.

К годовщине нашей совместной жизни я решила сделать ему подарок. С утра отправилась к адвокату, который вел когда-то дела нашей семьи.

Я не знала, как преподнести подарок, не знала, как любимый отреагирует на мою дарственную. Но мне хотелось показать, что я отдаю ему не только себя самое – до остатка, а и все, что мне принадлежит. Сказала ему об этом за ужином. И впервые получила возможность увидеть, как он умеет злиться.

– Зачем ты это сделала? – помрачнел он. – Тебе мало того, что я – с тобой, что я люблю тебя? Мне не нужны доказательства твоей любви! Мне вообще ничего не нужно, пойми!

Другой реакции я и не ожидала. Попробовала сгладить конфликт, хотела даже разорвать документы, но в последний момент все же спрятала их в шкаф. И сказала, что хочу принадлежать ему целиком и что это – мой первый самостоятельный поступок, который кажется мне правильным и приятным. И он смирился. Любимый мой мальчик.

Он часто впадал в депрессию. Жаловался на работу, на равнодушие и непонимание окружающих. Он был счастлив только тут, со мной – я это знала точно. И еще знала (успела понять за этот год), что его легко могут обмануть или обидеть, а он готов прийти на помощь каждому, кто о ней попросит, – как тогда мне, у магазина. Я так любила, когда его лицо светлело, когда он смеялся...

Однажды он пришел домой веселый, с каким-то свертком в руках.

– Что я тебе сейчас расскажу! – радостно начал он. – Я познакомился с необыкновенным человеком! Из тех гениев, которые оказались за бортом жизни и в забегаловках цитируют Бодлера. Обожаю таких людей и преклоняюсь перед ними. Но – все по порядку. Захожу в кофейню и вижу: сидит за столиком такой колоритный тип и что-то рисует на листе

бумаги. Подсел к нему. Разговорились. Он попросил купить ему стопочку, а расплатился – ты только подумай! – вот этим рисунком. Это – гениально! Сегодня же закажу большую рамку.

И он развернул передо мной рулон. Рисунок, выполненный карандашом, действительно производил впечатление. Я не сразу поняла, что на нем изображено. Это была абстракция. Но какая! Одна линия плавно переходила в другую, закручивалась в спираль, разветвлялась на тысячи тонюсеньких «усиков». Казалось, она затягивает в свои глубины. Оторвать взгляд было невозможно. Я стояла, как загипнотизированная, задыхаясь от восхищения и какого-то страха, что не смогу выпутаться из этого лабиринта.

В тот же день мы купили большую, очень красивую рамку. Картину мы повесили в нашей спальне. Засыпая, я неотрывно смотрела в нее – именно «в нее», потому что она была зеркалом, а точнее – зазеркальем, тайным миром гениального художника.

Как обычно, я проспала до двенадцати. Муж никогда не будил меня, только целовал в щеку, уходя на работу. Я раскрыла глаза и тут же снова закрыла их – такой мощный поток энергии хлынул на меня с картины. Мне хотелось продлить удовольствие, и я с закрытыми глазами восстановила в памяти линии рисунка. Так дети изучают узор на ковре или причудливые трещинки на потолке, различая в них стада оленей, дикие джунгли, загадочные письмена. Я бродила взглядом по картине до тех пор, пока не научилась видеть ее целиком. В какой-то момент мне показалось, что на ней изображены изувеченные серебряной пулей внутренности реликтового животного, спустя минуту я увидела в самом центре глаз, взгляд которого пронзал насквозь, позже я поняла, что это вовсе не глаз, а эмбрион, уютно примостившийся в чьей-то утробе, опутанный тончайшим переплетением сосудов. Картины, которые я себе представляла, сменялись с невероятной скоростью, открывая новые и новые линии, и каждая вела к своему сюжету. Чаще всего он был трагичным. А что еще может рисовать непризнанный гений, который спился!

Стоит ли говорить, что когда я оторвалась от созерцания – и то благодаря телефонному звонку моего мужа! – стрелки часов приближались к пяти вечера... И все это время я пролежала, рассматривая картину!

Я поднялась так резко, что даже потемнело в глазах, начала быстро одеваться. Порвала колготки... Кое-как влезла в джинсы и впервые забыла причесаться. Сегодня на ужин я задумала приготовить особое блюдо из телячьих мозгов под экзотическим соусом: рецепт я нашла в кулинарной книге.

Перечитала рецепт. Начала мыть мозги. И ощутила, что от мертвой белой массы идут импульсы. Вздрыгнула, порезала палец, и кровь стала капать на белую плотную массу. В отчаянии швырнула нож в мойку, а мозги, порозовевшие от крови, – в мусорное ведро. Оно перевернулось, со стола слетели чашки. Собирая осколки, я снова порезала руку. Все это жутко меня разозлило, голова закружилась. Кое-как доплелась до спальни и улеглась, укоряя себя: зачем нужно было валяться до вечера и отдаваться бессмысленному созерцанию. Итак, начнем все сначала! Только на этот раз... Я быстренько набросила на рамку свой пеньюар и опять прилегла. Представим себе, что утро начинается заново. Раз... два... три... Игра заладилась. Напевая, забинтовала пальцы, поставила в микроволновку куриное филе. И едва успела привести себя в порядок, как пришел муж...

Вот, видимо, в чем дело: мне надоело бездельничать. Нужно было чем-то заняться! Я накупила кучу женских журналов и стала изучать всякие статьи с интересными названиями: «Как преодолеть депрессию?», «Настоящая женщина – кто она?», «Создай свое тело!», «Домашняя кошечка или стерва?». Раньше я и не предполагала, что эти вопросы мучают миллионы моих соотечественниц, а еще больше меня удивляло то, что об этом пишут. Вплоть до субботы я изучала глубины собственного «я». Все вызывало у меня удивление. Почему

мама не научила меня самому главному?! Особенно тяжелое впечатление производили статьи об изменах, ревности. Мир за окном, оказывается, был полон недовольства. Одна я была счастлива, и ничего об этом не знала. Помня о том, как полдня провалилась перед картиной, я теперь вскакивала с постели, едва раскрыв глаза, – слишком велико было искушение разобратся в линиях! – и бежала в ванную, оттуда – на кухню, а потом часами просиживала в кабинете отца.

В субботу мой любимый снова притащил картину. Не могу сказать, что меня это порадовало. Но когда он разворачивал рулон, я почувствовала странное нетерпение: что на ней?

– С этим нужно что-то делать... – говорил муж, разглядывая полотно. – Это же великоленно! Снова выменял на бутылку! Представляешь?! А он бы мог выставиться за границей. Пропавший человек, так его жаль. Живет, как собака. В следующий раз заплачу ему как следует. Хотя он много не берет – только водкой...

Вот так у нас на стене появилось пять картин. Тот же простой карандаш, те же (и всякий раз – неповторимые!) переплетения линий... Я проводила перед ними часы, и если бы меня спросили, что я вижу, назвала бы множество вещей: нож, часы, глаза, тела, купола, церкви, рыбы, птицы, пророщенные зерна, комки земли, мозг, внутренности, овощи, звезды, рот, зубы, клыки, копыта, шерсть, дым, апокалипсис...

Меня больше не волновало то, что я не приготовила ужин или не причесалась. Часто я до самого вечера оставалась в халате, накинутом на ночную сорочку...

...Луч лунного света похож на нож. Он проникает сквозь шторы на окне, будто распарывая их, и мне так хочется взять его в руки. Ощутить вес. Ножом можно распороть любую ткань – он не причинит боли. Нужно только незаметно пробраться на кухню, вытащить его из деревянной подставки. Тихо... Глаза можно не раскрывать – и так видно. Ладонь скользит по стене, в другой – приятная стальная тяжесть лунного луча. Им можно наполнить себя. Подумать только: одно движение – и ты, открывая себя, как ключом, видишь, что там, внутри тебя – один лишь свет...

Но почему от него так больно?

Кто-то трясет меня за плечи, голова моя раскалывается. Я вынуждена открыть глаза...

– Дорогая, дорогая! Что с тобой?!

Я вижу его испуганные глаза. Я вижу себя в ночной сорочке(!), босую(!), в коридоре(!), с ножом, мертвой хваткой зажатым в руке!!! Что со мной?

...Я заболела. Это – жар. Может быть, вирус – грипп какой-то, эпидемия. Я лежу в постели, на столике рядом со мной стоит все необходимое, чтобы не вставать. Муж старается вернуться пораньше, приготовить что-нибудь вкусенькое. Мне не хочется выползть из спальни. Теперь я лучше понимаю художника. Я ЗНАЮ, о чем он говорит со мной.

...Я еще не летала. Я прожила столько лет и ни разу не взлетела, чтобы увидеть это переплетение линий СВЕРХУ. Теперь я знаю, откуда их можно увидеть! Как это раньше не пришло мне в голову? Нужно встать. Обязательно нужно заставить себя подняться, подойти к окну. Оно втягивает меня почти так же, как и картины. И если шагнуть за рамку невозможно, то за окно – довольно легко. Я открываю окно. Мне не холодно. Мне весело. Сейчас, сейчас я пойму, что там, в центре завихрений и колец. Глаз? Эмбрион? Райский сад? Еще немного. Пошлага.

...Резкий звонок вырывает меня из теплого туннеля. Линии и узоры расплываются, превращаются в бессмысленную кашу. Нужно открыть дверь.

– Ты чего в таком виде? – спрашивает соседка. – Звоню уже полчаса! И что за холодина у вас в квартире?

Старая корова! Какое она имеет право? Я морищусь, как от зубной боли. Меня охватывает новое чувство, которого прежде никогда не было, название ему – гнев. Мне хочется царапаться и кусаться...

Соседка проходит в комнату и закрывает окно. Тоже мне, воспитательница нашлась!

– Что-то ты мне не нравишься, детка! Ну-ка ложись, я тебе малину принесла – сейчас заварю.

У меня на столике есть все – «Колдрекс», «Фармацитрон», «Флюколд»... Малина – это из детства. От малины будет жарко в груди и в глазах... Я плачу. Соседка обнимает меня. Сегодня мне не взлететь...

– Я еду в командировку, – грустно сообщил муж. – Как я тебя такую оставляю?..

Мне не хотелось, чтобы он переживал, и я попробовала улыбнуться. Пусть едет со спокойной душой, развеется. Тем более, что ехать нужно в город, где прошло его детство. Мне уже немного лучше. Нет, правда. Я встала и даже попробовала сварить кофе.

Утром он уехал. А я снова слезла. Разве до этой счастливой встречи я не была тут одна? Несколько дней ничего не изменят. Я лягу и буду ждать его. Вообще не выйду из комнаты, ведь тут так уютно и со мной мои гениальные друзья – картины.

Но эта ночь стала для меня сущим адом. Я почти не спала. Сердце замирало от ужаса. Так было в детстве, когда мне казалось, что черная рука тянется к выключателю. Тогда главным было лежать тихо, перетерпеть. Но сейчас терпеть было трудно. Я будто ощущала, как мягкие щупальца с рисунка тянутся ко мне, как заползают под одеяло змеи, и огромное чудовище распростило надо мной крылья. Неужели я чем-то провинилась, что они так издеваются надо мной? Ведь я их так люблю... А линии тем временем опутывали, тянули вниз, к корням, к белым червям и личинкам. Черви и личинки – вот новая деталь, которую я рассмотрела только сегодня. Еще утром они напоминали мне гроздь винограда, нежных куколок, прозрачных мотыльков... Вдруг мне показалось, что я умираю, что сердце бьется все медленнее и вот-вот остановится навсегда. Представила себе, как он придет и испугается! Я знаю, что нужно сделать, чтобы не умереть от страха и дождаться утра. Я быстро начала набрасывать на рамы все, что попадалось под руки, – как тогда, когда накрывала картину пеньюаром...

Не знаю почему, но мне стало легче. Я даже нашла в себе силы выйти на кухню и заварить чай. Захотелось поесть. Я открыла холодильник – ни крошки! Странно, что он не оставил мне продуктов. Милый мой мальчик, я его совсем загоняла! Я достала остатки малинового варенья и кусок хлеба, покрытый плесенью. Постепенно почувствовала, как ко мне возвращается жизнь. Замечательно! Я встречу его совершенно здоровой!

Когда рассвело, я вошла в спальню. С тряпьем на стенах она выглядела немного странно, и мне захотелось поскорее навести порядок. Я уже начала снимать сброшенные вещи, как вдруг поняла: нужно продать эти картины или разорвать на мелкие кусочки – все равно. С тех пор, как они появились, все пошло кувырком. Как я раньше не догадалась? Я выпили кофе. Слабость и апатию как рукой сняло. Я вспомнила, как умирала ночью. Неужели я могла стать третьей умершей женой моего любимого или – второй сумасшедшей в его жизни? Почему у него такая судьба? Я должна спасти его, просто обязана. И тогда все будет хорошо, я уверена. Мы забудем ужасное прошлое и сможем быть счастливы.

Я стала звонить в ЖЭКи и ЗАГСы. Общаться мне было трудно – сказывалось мое добровольное домашнее заточение. Но после нескольких часов – когда трубка в моих руках едва не раскалилась – я наконец выяснила, где жили жены моего любимого. Еще час пришлось потратить, чтобы найти медзаведения, которые выдали свидетельства о смерти. Оказалось, что они находятся в разных районах города.

Я вышла на улицу и захлебнулась весной. Странно, мне казалось, что на дворе все еще зима...

Поскольку автомобиль забрал муж, пришлось вызывать такси. Уже в машине я сообщила, что за информацию придется заплатить. И не ошиблась – сотрудница регистратуры тут же радостно зашелестела карточками, а медсестра быстро сообщила имя участкового врача. Ну а врач равнодушно поведал, что женщина покончила с собой, перерезав вены кухонным ножом. Потом я поехала на квартиру и – снова-таки с помощью «зеленых» – быстро выяснила, что после смерти женщины ее жилье сразу продали.

Было около шести вечера, когда я, до смерти уставшая, добралась до больницы. Рабочий день заканчивался. Правда, дежурная сестричка позвонила врачу домой и сочинила историю с утерянной карточкой.

– Он очень недоволен, – прошептала она, прикрыв трубку рукой.

Я достала еще десятку.

– Это была очень нервная дама, – наконец сказала медсестра. – Она выбросилась из окна.

Я оторопела. Несколько раз просила ее повторить то, что она сказала. Но суть от этого не изменилась. Женщина выбросилась из окна без очевидных на то причин – у нее был хороший муж, перспективная работа и зажиточные родители во Франции. Я заставила себя посетить ее квартиру. Результат тот же: квартиру продали.

Приехав домой, я легла спать на диване в гостиной. Завтра будет трудный день – я твердо решила, что поеду в психиатрическую лечебницу. Хорошо, что она в городе одна. А имя женщины я запомнила еще во время нашей первой встречи с моим мужем. Даже не знаю почему...

Милый мой мальчик, прости, мысленно повторяла я, лежа на диване. Я делаю что-то подлое и мерзкое. Будто роюсь в твоих вещах. Но потом, когда нам будет хорошо, я вымолю у тебя прощение. Я знаю, ты меня простишь.

В клинике я соврала (впервые в жизни!), что хочу проведать сестру. Своему спокойствию и решительности удивилась сама. Меня проводили в зал для посетителей (конечно, и тут не обошлось без денег).

Минут пять спустя в комнату вошла женщина – изможденная блондинка в сером больничном халате и войлочных тапочках...

– Ты моя сестра? – спросила она.

Я кивнула.

– Цветы поливаешь?..

Я снова кивнула, потому что не представляла себе, что отвечать.

– Я хочу домой... – вдруг жалобным тоненьким голоском пропела она, не сводя с меня пронзительного взгляда.

– А где вы живете? – решила спросить я.

Глаза женщины угрожающе сверкнули.

– Ты не моя сестра! Ты не моя сестра! – повторяла она.

– Что с вами произошло?

– Я знаю... – Женщина погрозила мне пальцем. – Ты тоже живешь в галерее... Я поняла. Меня не проведешь!

– В галерее? Где это? – растерянно спросила я.

– Тихо... Это там, – она показала пальцем куда-то вниз. – Там тихо... Они работают очень тихо... К ним не подберешься, но у меня есть ключ...

Я поняла, что разговор не состоится и лучше уйти. Несчастная женщина! Я отдала ей пакет с фруктами. Она вынула апельсин и начала его жадно, как яблоко, грызть.

– Прощайте, – сказала я. – Извините, что побеспокоила...

– Это ОНИ тебя будут беспокоить! Еще как! А ключ – вот он! Возьми, если не веришь... – Оглядываясь на дверь, женщина быстро сняла с шеи потертый шнурок с двумя ключами. – Красивый у меня талисман? – спросила, усмехаясь. – Пойди в галерею. Там тихо... Там – ОНИ. Спрячь – а то отберут!

Я машинально взяла ключи:

– И где же эта галерея?

Женщина быстро назвала улицу. Я едва успела положить ключи в карман, как в зал вошла медсестра.

Уже стоя на пороге, я услышала, как вдогонку мне женщина крикнула, будто мы и правда сестры:

– Не забудь полить цветы!

Ехать или нет, ломала я себе голову. Моя новая знакомая произвела на меня тягостное впечатление. Наверное, когда-то она была красивой, даже красивее меня. А теперь во что превратилась? Был ли в ее путаных словах хоть какой-то смысл? Вряд ли. Меня удивило только одно слово – галерея. Нужно съездить, посмотреть. По крайней мере – полить цветы.

Дом находился в центре города, в его старой части, которую начали застраивать элитными многоэтажками. Я вошла в подъезд. Было темно и сыро. Стала подниматься, хотя не понимала, как буду открывать чужую дверь. А вдруг там кто-то живет? Что я скажу?

На всякий случай несколько раз нажала кнопку звонка. Тишина. Я постучала. Никто не ответил. Хотя мне показалось, что я услышала шорох и звяканье посуды. Я толкнула дверь и... задохнулась...

«Платиновый эгоист»! Я узнаю его среди тысячи ароматов... Милый мой мальчик... Но почему? Откуда? Неужели запах может храниться так долго? Я почувствовала укол ревности. Но таким одеколоном пользуется много мужчин... Я подошла к закрытой двери, из-под которой пробивался свет. Распахнув ее, на какой-то миг зажмурила глаза: комната была залита ярким весенним солнцем. Когда же глаза привыкли к свету, я увидела... Нет! Нет, этого не может быть!!! Всюду – на столе, диване, креслах – лежали куски ватмана, а на них... Я уже знала, что может произойти просто от одного взгляда на рисунок!

Я стремглав выскочила из квартиры. Вот она – галерея! Нет, скорее – мастерская безумного и в то же время гениального в своем безумии художника. И запах. Мой запах. НАШ запах. И еще – это я тоже запомнила! – знакомый галстук на стуле, старая пестрая сорочка, в которой он был в первый день нашего знакомства, жакет, небрежно брошенный на диван...

Милый мой мальчик... Почему все так?!

Сойти с ума? Броситься в отчаянии под колеса машины? Что? Господи, что? Но ведь я сама говорила, что здоровье у меня крепкое, что я не умру. Когда я это говорила? Кому?

Я остановилась на миг и отдышалась. Нет, я не сойду с ума и не брошусь под машину. Я знаю, что нужно делать. Сейчас же позвоню своему адвокату, пока я жива, пока можно аннулировать завещание. Но сначала – самое главное.

Я поехала домой. За двадцать два года моей жизни не припоминаю в себе такой решительности. Не разуваясь, зашла в спальню и начала сбрасывать вешенные тряпьем рамы. Потом разбила стекло и, нацупав шероховатую поверхность ватмана (руки и щеки мои пылали, будто я выхватывала бумагу из костра!), смяла упругий картон и бросила его в ванну. Чиркнула спичкой. Сгорая, ватман шуришал, будто неведомые существа, жившие в нем, предчувствовали смерть. Последний раз взглянула на клочок, торчащий из огня, – неж-

ная линия будто манит за собой... Я поднесла к нему спичку и плотно прикрыла дверь – пусть горит в одиночестве. Иначе... Иначе я не уверена, что не выхвачу рисунки из огня.

...Он не вернулся. Но я его и не ждала. Осталась в своем большом отцовском доме. Сделала ремонт, поменяла обои в спальне. А потом решила жить – долго и счастливо. Теперь я – директор большого частного издательства, в которое вложила унаследованный капитал. Сначала было трудно общаться с людьми, вести переговоры и... просыпаться в семь утра. Но постепенно я привыкла. И дела мои пошли в гору.

А началось все с книги, которая всего за год стала бестселлером. Называлась она «Галерея» – такой себе фолиант на четыреста страниц. Чего греха таить – литературный труд оказался непосильным для меня, поэтому пришлось привлечь пятерых журналистов. Но я этого никогда не скрывала! Тем более что теперь эти журналисты – мои самые перспективные авторы, которых я регулярно издаю. На них, честно говоря, и держится мой бизнес».

Я боялась прервать ее рассказ вопросами, но все же решилась спросить.

– А что случилось с вашим мужем?

Женщина опустила руку в карман своего халата, вынула оттуда смятый клочок бумаги и протянула мне.

– Так все закончилось... – сказала она. В глазах ее мелькнула усмешка. Мне показалось, что она смеется надо мной. Я начала читать...

«Я стою в холодном погребе покосившегося дома на окраине Богом забытого городка моего детства. В руке – топор... Я должен положить этому конец. И немедленно. «Так вот, милый мой мальчик, – уговариваю я себя. – Так вот!..»

...В столицу я ни за что не вернусь. На второй день моей так называемой командировки я почувствовал: что-то случилось. Вдруг повысилась температура, бросило в жар, сердце то останавливалось, то колотилось как бешеное. Я глотал таблетки, пил корвалол, потом – водку с перцем... Наконец, скорее интуитивно, догадался: дело не во мне! А когда через полчаса болезнь отступила, убедился окончательно: я проиграл. Мои картины погибли. Я даже знал, как именно – в огне. Мне некуда возвращаться.

...Рисовал я с детства. Мама очень гордилась моими рисунками, обвешала ими весь дом. Но через несколько лет дом опустел – отец погиб на охоте, а мама как-то быстро угасла. Врачи констатировали «общее ослабление организма» – согласитесь, довольно странный диагноз. В интернате я перестал заниматься рисованием и вернулся к нему только на втором курсе политехнического. Девушка, с которой я встречался, была в восторге от моего таланта. Я знаю точно: она меня любила. Носилась с моими рисунками повсюду, убеждая, что они – гениальные и что мне необходимо получить профессиональное образование. Я бы, наверное, послушался ее, если бы она не погибла – выпала из окна общежития.

А потом... Рассказать – не поверят! Да мне и не верили! Просто восхищались моими работами, платили за них бешеные деньги. А потом я узнавал, как мои ценители один за другим... гибли. И тогда я уехал в столицу. Продавал квартиры своих состоятельных жён. Понимал, что у меня большой дар, которым не стоит пренебрегать. По-настоящему я жил лишь тогда, когда работал. Может быть, я действительно гениальный художник, кто знает...

То, что я могу чувствовать свои произведения на расстоянии, стало для меня открытием. Каких еще сюрпризов ждать от судьбы? И как теперь поступить? Начать все с нуля? С этого промозглого домишки, этого Богом забытого городка? Я устал и больше ничего не хочу. Я должен положить этому конец. Стыснув зубы, я с силой опускаю топор на запястье правой руки...»

3

...Стыд стал душить меня повсюду, где бы я ни была. Это такое удивительное чувство. Особенно тогда, когда знаешь, что раньше – еще месяц или два тому назад – ты весело и обстоятельно, как другие, отвечала на вопрос «Как дела?» или «Что вы думаете о новом романе Коэльо?» Тогда же, после случая в театре, мне казалось, что стыдиться нужно и того, что люди говорят с кем попало о состоянии своего здоровья, о том, чем занимались с утра и что собираются делать вечером. Особенно меня корбило, когда говорили о работе. Раньше я тоже могла восторженно рассказывать о каких-то рабочих моментах, жаловаться на проблемы и рассказывать, как я, умница, нашла выход из той или иной ситуации. В нынешнем же состоянии, когда я пишу эти строки, я начала чувствовать, что работа и служебные обязанности – вовсе не главное. Я поняла: без меня не остановится ни одно производство. Возможно, замрет на миг. А потом снова будет вращать свои колеса и колесишки...

Итак, со временем на вопрос «Как дела на работе?» – я отвечала последней строкой из книги, которую я на тот момент читала (тогда я еще могла различать буквы), и люди удивленно пожимали плечами...

У меня еще будет время рассказать обо всем этом подробнее...

Я снова возвращаюсь к тем дням, когда стала понемногу освобождаться от тайного удушливого стыда. Как странно: это произошло именно на этой новой работе. Впервые у меня проснулся интерес. Просто интерес к тому, кого слушаю. Интерес, которого не было вот уже несколько лет.

– Ну, как вам работается? – спросил меня главврач спустя несколько дней и протянул журнал с моими рассказами, чтобы я подписала его для жены.

– Хорошо, – ответила я. Могла бы, конечно, добавить еще что-нибудь.

– Я подобрал для вас самые интересные экземпляры, – продолжал врач, наблюдая за тем, как я вывожу пустопорожние слова на глянцевого обложке. Я заметила, что его взгляд, сосредоточенный на этих словах, был исполнен восторга. Есть люди, для которых почему-то очень важно иметь автограф на печатной продукции. Приближенность какой-либо особы к средствам массовой информации кажется им чем-то вроде прикосновения к вечности. Я представила себе, как мой небрежный почерк и корявая подпись будет демонстрироваться в кругу приятелей, чтобы было о чем поговорить в ближайшие пять минут.

Я промолчала.

– Если хотите, заходите как-нибудь ко мне – поболтаем. – Врач подмигнул мне и зашагал по длинному коридору, время от времени заглядывая в окошечки, прорезанные в дверях палат. Он с довольным видом потирал руки и напоминал директора зоопарка, обходящего свои владения.

После обеда ко мне привели еще одну женщину.

– Это – сложный случай, – предупредила меня медсестра. – Она почти не говорит. Ни с кем. Все время спит... Муж у нее добрый. Приносит ей кучу всего, а она его не узнает, бедняжка...

Я поблагодарила за информацию. Вставила кассету. И включила магнитофон.

Женщина молчала, только смотрела как-то вопросительно. Потом я заметила, что взгляд ее остановился на пачке сигарет, лежащей на столе. Я спросила:

– Закурите?

Она радостно закивала головой. Взяла сигарету, закурила. Несколько минут сосредоточенно наслаждалась вкусом. Потом я услышала ее тихий голос:

«Рядом с ними мне было очень хорошо. Они жили за реденькой лесополосой. Я пробиралась к их небольшому фургончику между стволами голых черных деревьев, увязая в сырой земле, вибрировавшей подо мной, как болото. Из-под земли кое-где пробивались клочки прошлогодней травы, каким-то чудом выжившей и удержавшейся на поверхности. Небо тут всегда было серым, как в последние дни февраля, и только далеко на горизонте розовело закатное солнце. Таким пейзаж был всегда, сколько его помню: редкозубый плетень черных деревьев, охапки желто-зеленой травы под ногами и деревянный фургончик в конце этой реденькой лесополосы.

Казалось бы, мрачноватое зрелище. На самом деле – ничего подобного!

Мне было очень хорошо рядом с ними. Я входила в фургон без стука, и мне тут же хотелось положить голову ему на плечо. Что, собственно, я и делала.

Я так уставала, что не могла говорить. А с ними я могла молчать или перебрасываться обыденными фразами.

Их было двое: парень в тельняшке без рукавов и девушка с длинными прямыми волосами. Он обычно сидел на скамье в глубине фургона и что-то мастерил – строгал ножом деревянный брусок или зачищал наждаком поверхность стола.

Ни то ни другое не мешало мне положить голову ему на плечо: его движения были неспешными и энергичными, как у всех мастеров, увлеченных своей работой. Девушка сидела на пороге у самого входа. Иногда она курила, глядя вдаль на черные деревья, на небо. И мне казалось, что она видит там что-то очень важное.

Они ничем не выказывали своих эмоций по поводу моего визита, но я знала наверняка, что им тоже хорошо и уютно со мной. Очевидно, мы схожи по группе крови или многим другим признакам. Поэтому нам не нужно напрягаться и выдумывать темы для разговоров.

Меня не касалось, кем они приходятся друг другу. Будет ли беспокоить девушку то, что моя голова у него на плече. Мне просто был необходим отдых. И они оба это понимали.

Те несколько часов, которые я тут проводила – в тишине, в созерцании, в ощущении покоя, – проходили незаметно. Потом я прощалась и уходила, наполненная новой энергией, готовая снова окунуться в суету, бурлящую за пределами их рожицы.

Как они жили без меня? Наверное, так же просто: девушка готовила еду, юноша... Не знаю. Может быть, ходил на охоту? Правда, в условиях города это выглядело бы странно...

Меня это не волновало. Просто я приходила к фургону, когда очень уставала, клала голову ему на плечо, наблюдала за девушкой и молчала.

Между нами не было ни любви, ни ревности, ни двусмысленности, ни расспросов, ни словесного пикирования. Но мне казалось, что эти отношения – нечто большее, чем дружба, большее, чем любовь или какие-либо другие чувства, которых в моей жизни и без того было немало...

– Если у тебя появились новые друзья, – сказал муж накануне моего дня рождения, – почему бы нам не пригласить их в гости?

Это была превосходная идея! Я не раз рассказывала ему о фургончике, о тех двоих, которые живут в нем, об их спокойном и размеренном существовании.

Правда, я не могла признаться в том, что кладу голову на плечо парня в тельняшке. Ведь тогда пришлось бы объяснять мужу, что это – совсем не то, о чем он может подумать. Но если бы я начала это объяснять и оправдываться – вышло бы, что это именно ТО. Вот такой парадокс лишних объяснений. Женская головка на мужском плече здесь – совсем иное, чем то же самое – там. Там, у моих друзей, это лишь символ покоя. Таким же символом могло бы стать все что угодно: игра в префферанс, чаепитие, выкручивание лампочки, приготовление борща – не имеет значения. Просто в тот момент, когда я осознала, что

мне хорошо, – склонила голову на плечо хозяина фургончика. И это запечатлелось на уровне рефлекса. Только и всего...

Итак, я пригласила их в гости. Они обещали прийти.

Накануне я провела на кухне несколько часов – пекла, жарила, варила, резала овощи. Потом накрывала стол, до блеска натирала фужеры и стаканы. И так устала, что начала воспринимать будущую вечеринку как абсурд, свалившийся на меня, будто железобетонная стена во время землетрясения.

Хотя я привыкла жить так – мыть, стирать, убирать, готовить еду, таскать сумки. Каждый день. Из года в год. Так жили все наши знакомые. Так жила и я. Теперь, думаю, вы понимаете, чем для меня был фургончик...

...Они пришли, когда все уже собрались. Я посадила ее между Николаем Николаевичем, моим шефом, и практикантом Ванечкой, а его – поближе к Дарине, на углу стола.

Они вели себя скованно и скромно. И мне было немного обидно. Мне хотелось, чтобы все присутствующие – эти шумные, суетливые люди – увидели нечто противоположное. Тишину и простоту, преисполненные чувством достоинства.

Гостей было много. Я старательно следила за тем, чтобы одно блюдо вовремя сменялось другим, бокалы и тарелки не были пустыми, чтобы звучала музыка. Спустя несколько часов, когда вечеринка была в разгаре, я заметила, что их нет.

Они ушли по-английски...

– Где же твои друзья? – спросил муж, когда я из последних сил домывала посуду. – Почему они не пришли?

– Как это – не пришли? – удивилась я. – Неужели ты их не заметил?

– Вот как? – воскликнул муж. – Кажется, я пока не ослеп! Кроме тех, кого я знаю, не было ни души!

– Не зли меня, пожалуйста, – устало буркнула я. – Они – были. Просто ушли раньше всех.

– Это ты меня не зли! – возразил муж, который еще с юных лет был заядлым и вспыльчивым спорщиком. – Повторяю: кроме тех, кого мы с тобой вместе приглашали, больше никого не было!

– А кто же, интересно, сидел между Николаем Николаевичем и Ванечкой? – начала заводить я. – Кто сидел рядом с Даринкой?

Муж окинул меня озадаченным взглядом.

– Ты, наверное, слишком устала...

– Да, я устала, – согласилась я, – но в этом случае это не имеет никакого значения. Они были! И прекратим этот бессмысленный спор.

– Хорошо, – спокойно сказал муж, – я сейчас позвоню Ивану. А то заснуть не смогу.

Он вышел в прихожую и, несмотря на поздний час, позвонил практиканту. Я не прислушивалась. Все это было просто смешно.

– Ну вот, – сказал муж, вернувшись на кухню, с довольным видом потирая руки. – Я был прав. Иван тоже никого не видел. Рядом с ним никто не сидел. В общем, не о чем говорить.

Не сказав ни слова, я бросилась к телефону. Мне было все равно, что показывают стрелки часов. Но Дарина вычитала меня по полной программе и перед тем, как бросить трубку, все же добавила:

– Никого рядом со мной не было! Ты просто поставила лишний стул.

Я вернулась на кухню вконец растерянная. Муж понял все без слов. На его лице засияла довольная ухмылка.

– Как я могла забыть! – обрадовалась вдруг я. – Ведь мы фотографировались! Именно – за столом. Помнишь?

Мне захотелось тут же помчаться в фотомастерскую, но я вовремя спохватилась: ведь было уже далеко за полночь. Пришлось потерпеть до утра...

Я забрала пленку и отпечатанные фотографии только вечером следующего дня. Быстро просмотрела их все и потом тщательно обследовала каждый кадр. Моих гостей на них не было. А рядом с Дариной и между Николаем Николаевичем и Ванечкой зияли пустые места.

Я ничего не сказала мужу. Но и не испугалась. Просто запретила себе задаваться лишними вопросами. Ведь так часто бывает: мы встречаем на своем пути нечто, что не поддается нашему пониманию, например, большую любовь или настоящую преданную дружбу. Когда же мы начинаем с недоверием копаться в механизме этих явлений, он распадается на мельчайшие винтики. И нечто БОЛЬШОЕ превращается в мелкие детали, которые невозможно снова собрать вместе, а если и соберешь – все равно теряется вся ценность и очарование того, что раньше было единым целым. Это я знала по собственному опыту.

И поэтому, как и прежде, продолжала ходить за черный забор маленькой роицы, месила ногами сырую землю и входила в фургон. Они всегда были на месте. Девушка сидела у порога, юноша что-то мастерил. А я клала голову ему на плечо. Забывала обо всем, глядя на то, как из-под его руки выползают золотистые змейки, пахнущие лесом.

Я уходила только тогда, когда чувствовала, что силы мои восстановились, что я снова готова мыть-стирать-убирать, таскать сумки и руководить большим отделом на своем предприятии...

...Стук раздался как гром среди ясного неба. Точнее, небо, как я уже говорила, было совсем не ясным, а серым, как накануне весны.

Стук, звон и зов донеслись с той стороны роицы. «Стук, звон и зов» – собственно, не совсем точные названия для того звука, который заставил меня оторвать голову от его плеча. Этот звук был жутким и... манящим одновременно. Я поднялась. Ноги и руки вмиг онемели, стали ватными. Но я все же шагнула к порогу. Мне не очень хотелось идти, но было в этом зове нечто такое, что заставило пойти на него, как крысу на звук волшебной дудочки. Я не могла сопротивляться. Парень и девушка с тревогой посмотрели на меня, переглянулись. Он чуть слышно прошептал: «Не просыпайся...» – «Не просыпайся, а то – застрянешь!» – повторила девушка.

Я их не поняла. Медленно переставляя ноги, как космонавт в безвоздушном пространстве, направилась в роицу. Вязкая земля тяжело дышала подо мной. Эхо нарастало – в нем звучали знакомые голоса.

Пересекая роицу, я поняла, что не хочу уходить отсюда вот так – не по своей воле, как это было всегда. С противоположной стороны роицы поднялся неистовый ветер, входя в эту воздушную полосу, я, будто перед прыжком в воду, закрыла глаза...

...А когда снова открыла их, передо мной предстало удивительное зрелище: белая пустыня. Я сидела посреди нее одна-одинешенька. Пейзаж с роицей и фургоном, оставшиеся позади меня, и очертания города, маячившие впереди, – все исчезло. Стихло и эхо.

Тишина нависла над песками непроницаемым куполом.

...Так я застряла на грани сна и пробуждения.

О том, что произошло, догадалась не сразу. Сначала нужно было все обдумать, проанализировать. А с логическим мышлением у меня все было в порядке. Кроме того, у меня появилось время на размышления – я больше никуда не спешила. Я стала такой, как ОНИ – те, кого внезапно разбудили. Можно было только догадываться, сколько нас таких было! Может быть, тысячи или даже миллионы – и у каждого было свое собственное раздолье-

ное место. Теперь я знала наверняка, что в этой зоне не нужно мыть посуду, готовить еду или охотиться.

Я сидела среди белого мягкого простора, будто внутри теплого кокона, и совсем не хотела выбираться наружу. А зачем? Я сама превратилась в ПЛЕЧО, от которого веяло покоем и уверенностью. Порой я вспоминала парня в тельняшке и девушку с длинными волосами – как они там, без меня? Но в то же время я понимала, что именно теперь стала намного ближе к ним, чем раньше, ведь присоединилась к их миру. Лучшие усвоила истину: покой – это то, что может быть лучше любви, важнее обыденности, а может быть, и жизни... А это состояние – довольно странное! – возможно лишь на грани пробуждения, которое длится несколько секунд. В детстве – это секунды покоя, исполненные радостным предчувствием чего-то нового, вкусными запахами из кухни, где бабушка печет блины. Когда ты понимаешь, что тебя ждут, и растягиваешь удовольствие: УЖЕ не спишь, но ЕЩЕ не проснулся...

И если я приходила к кому-то, вероятно, и ко мне кто-то может прийти? Но кто и каким образом? И почему я приходила именно к ним? Кто ОНИ?

Позже я поняла: возможно, я знала их раньше. Знала и забыла. Мужчина в тельняшке мог быть мальчиком, с которым мы вместе ходили в детский сад. Он почему-то запомнил меня. Наверное, и сам не мог бы объяснить – почему? Девушка... Она тоже могла быть кем угодно – продавцом в магазине, медсестрой, контролером в троллейбусе, одной из моих соседок. В определенный момент они подумали именно обо мне. Это был случайный выбор. Парадокс памяти. Будто кто-то подбросил вверх горсть камешков и два-три похожих упали рядом...

Поняв это, я решила ждать. Ведь должен хоть кто-нибудь заглянуть и ко мне...

...Я сидела в уютном маленьком домике, который сделала из песка. В тот момент, когда на горизонте появилась чья-то фигура, я чистила рыбу. Откуда взялась эта рыба – неизвестно! Вчера был клубок ниток, сегодня – рыба... Маленькая серебристая плотва поблескивала в эмалированном ведре. Путник подошел ближе. Я узнала его. Это был мой муж. Только выглядел он как в первые месяцы нашего знакомства...

Он молча сел рядом, взял нож и вытащил из ведра самую мелкую рыбешку. Я улыбнулась. Теперь я понимала, что это занятие, такое обыденное, станет для него символом отдыха и покоя. Вчера мы могли бы вместе сматывать нитки в клубок...

Мы сидели посреди белой пустыни под прозрачно-голубым небом, время от времени поглядывали друг на друга, смеялись, если какая-то непослушная рыбешка выпрыгивала на раскаленный песок, одновременно склонялись над ней, сталкивались лбами, снова смеялись. Я уже забыла, что нам может быть так хорошо. Я хотела, чтобы это продолжалось вечно.

И поэтому сказала только одно слово: «Проснись!..»

4

– Он проснулся и остался с вами? – спросила я, с удивлением сознавая, что мне не противно слышать собственный голос.

Женщина кивнула. Она больше не хотела говорить.

– Мы еще увидимся, – сказала я.

Она иронично улыбнулась. Они все так улыбались. Все те, кого врач назвал «интересными экземплярами». Мне нравились их улыбки.

Я вообще не люблю слишком серьезных и напористых людей. Порой я не понимаю, почему они суетятся, ради чего живут?

С тех пор как я влипла в эту историю, я начала замечать множество странных вещей – не намеренно. Они сами лезли мне в голову.

Например, сегодня, когда я ехала домой...

...В троллейбус зашел мужчина в плаще. И я его сразу узнала. Мужчина сел у запотевшего окна и широким движением протер его от края до края. Это был Мужчина, Протирающий Запотевшие Окна. Есть люди, которые продуют себе крохотное пятнышко в окне и смотрят в него, как в замочную скважину. А этот – умница! – одним взмахом руки открыл нам всем полную панораму города, проплывающего за окном. Появление этого мужчины заставило меня обратить внимание и на других попутчиков. Как же я была удивлена, когда обнаружила столько знакомых лиц! Рядом с Мужчиной, Протирающим Запотевшие Окна, сидел Мужчина, Недовольный Жизнью и Очень Довольный Собой. Он был абсолютно лысым. Как только его сосед протер стекло, яркое солнце ослепительно засияло на зеркальной лысине Очень Довольного Собой, пуская по всему салону радужных зайчиков. Человек, Недовольный Жизнью, сразу же надел кепку. Он был очень недоволен такой ранней весной: недавно он купил себе новое пальто (которым, конечно, был недоволен из-за его высокой цены), и ему очень хотелось еще немножко поносить его. С другой стороны, он был недоволен слишком скользкой и снежной зимой из-за отсутствия приличных сапог. На самом же деле больше всего он был недоволен собственной женой... При этом животик его выпирал довольно красноречиво, в нем переваривался великолепный мясной пирог и два бокала вкусного виноградного вина. И собой он был вполне доволен.

Рядом, почти опираясь на этого пассажира, стояли две девушки. Одна из них была Та, Что Слишком Громко Разговаривает. Она разговаривала громко. И все вокруг узнали, что через две недели она выходит замуж – под венец пойдет в белом платье, расшитом стразами «под Сваровски».

У входа сидела Пожилая Женщина, Которая Бранится в Людных Местах. Она только раздувала щеки, но я сразу все поняла и поспешила выйти, хотя до моего дома было еще две остановки. Пожилая Женщина успела лишь бросить мне вслед: «Ишь, как вырядилась! Вот в наше время...» Но я не успела узнать, что было в ее время. Я не хотела об этом знать.

Дома я стала вспоминать тех людей, которые часто встречались на моем пути. Они всплывали в моей памяти, и я с удивлением понимала, что теперь знаю их не по именам, а как-то... изнутри. Будто передо мной открылась их более тонкая сущность. Я припомнила своих бывших сотрудников. Неподалеку от меня сидела Женщина, Готовая Принести Себя в Жертву. Правда, она этого еще никогда не делала, но каждое ее движение свидетельствовало о готовности номер один. Даже походка у нее была такая, будто она шаг за шагом поднимается на гильотину времен Французской революции. А когда она протягивала руку, чтобы достать папку с верхней полки, – напоминала полуобнаженную Свободу с картины Делакруа. И в нее очень хотелось впустить пулю. Хотя коллеги отпускали в ее адрес лишь шуточки и насмешки. Пули – это атрибуты иного антуража. Но она была готова и к тому, и к другому.

Через два стола от нее сидела Женщина, Которой Постоянно Звонит Муж. Ему было крайне необходимо узнать, пообедала ли она. А если он слышал утвердительный ответ – сразу же перезванивал, чтобы уточнить, выпила ли она чашку кофе с круасаном. Глаза этой женщины всегда лихорадочно блестели: она боялась, что любимый муж позвонит именно в тот момент, когда она выйдет из кабинета помыть чашку. И тогда жизнь его потеряет смысл. Возможно, навсегда...

Чуть дальше расположился Юноша, Увлекающийся Буддизмом. Это было его тайной. Его лицо всегда украшала отстраненная улыбка. С ним можно было делать все что угодно: макать лицом в сливочный торт, подкладывать на стул кнопки, сунуть за шиворот паука или даже скользкую жабу... Он улыбался. И все вокруг думали, что он – подхалим, карьерист и «тихая сапа». «Этот далеко пойдет!» – говорили о нем в курилке. Но если он и мог пойти далеко – то только в глубь собственного «я», где всегда были цветущие земляничные поляны.

И этого не могла понять Девушка, Обреченная Ходить в Секретаршах. Хоть она давно уже занимала должность заведующей отделом и гоняла Юношу, Увлекающегося Буддизмом, за ванильными булочками в кондитерскую. Она регулярно ходила в фитнес-центр на жемчужные ванны, каждое утро вызывала визажиста, громко жаловалась на утомительные поездки на Формулу-1 и опостылевшие Мальдивы. Но даже если бы к ней завтра посватался один из сыновей принца Чарльза, она не перестала бы отставлять мизинец, поднося к губам чашку с кофе, и придирчиво расспрашивать официанта о составе фондю «франш-конте».

Кого бы я ни вспомнила – для каждого находилась своя, довольно меткая характеристика.

Мужчина, Тщательно Скрывающий Страсть к Казино, Мальчик-Паж, Женщина с Манерами Девочки, Тетенька-Бутончик, который Так и Не Расцвел, Девушка Не От Мира Сего, Мужчина-Кусочек-Сыра, Писаная Красавица, Дедушка-Генерал, Женщина-Звезда... Все они не догадывались, что обречены играть в жизни заранее определенную роль. Одну и ту же, невзирая на обстоятельства...

Но какая роль, в таком случае, отведена мне?

Несколько лет тому назад я бы уверенно могла ответить на этот вопрос. Теперь я должна была это уточнить.

5

...Утром следующего дня для разговора я выбрала мужчину.

У него были длинные волосы, ворот его больничного халата был поднят и подвязан черной бархатной ленточкой. Сев напротив меня – движения его были резкими и в то же время элегантными, – он заложил ногу на ногу, отбросил со лба рыжеватую прядь прямых волос и картинно обхватил колено тонкими нервными пальцами. И сразу заговорил. Заговорил быстро, довольно красиво, глядя куда-то вверх, будто считывая рассказ, напечатанный на стене позади меня...

«Я вышел на берег Гондваны 12 ноября. Паром не работал уже несколько лет. А может быть, несколько десятков лет. Поэтому пришлось нанять лодочника, который задержал мое прибытие на остров на два дня, неторопливо ремонтируя свою яхту.

Я ступил на подтаявшую, поросшую мхом землю, увяз в ней почти по колено и едва успел ухватить чемодан с резко развернувшейся яхты. К тому же чертов лодочник поднял вокруг такой водоворот, что я сразу промок с головы до ног. Ледяной ветер сорвал с меня шляпу и через миг скрыл ее в волнах. Деревья на берегу переплетались ветвями, гнулись, впились друг другу во всклокоченные верхушки, охапки сорванных листьев превращались в ярко-желтые воздушные ураганы, будто тут шла война. Я растерянно оглянулся назад: может, успею вернуть старика. Но яхта уже исчезла в тумане.

Я огляделся, нет ли за деревьями костра или рыбацких неводов, которые сушатся на берегу, или еще каких-нибудь признаков присутствия людей. Напрасный труд! Зачем я приехал сюда? Да еще с чемоданом, в котором аккуратно уложены несколько сорочек, носки, пара галстуков, новые сапоги и томик моего любимого Превера!

Меня ведь предупреждали, что тут уединенно обитают три-четыре семьи. Но ведь это не значит, что на всем острове нет ни одной гостиницы, бара или почтового отделения, думал я. Да, видимо, ошибался. Вокруг шла непрерывная война деревьев, шумело море, ветер вздымал листья и песок. И – ни души!

Честно говоря, я испугался. Еще раз бросил тоскливый взгляд на горизонт: возможно, лодочник пошутил и сейчас вернется? Но тут на море поднялись такие волны, что стало ясно: даже корабль не рискнет отправиться в такой опасный путь, не то что маленькая рыбацкая яхта!

Ничего не оставалось как пойти вперед, в глубь острова, в надежде, что мой страх необоснован, что скоро я выйду на широкую сухую дорогу, увижу огни, дома, яркие витрины магазинов.

Идти пришлось долго. Беснующиеся деревья пытались опутать меня своими скользкими мокрыми ветвями, песок забивался в сапоги, лицо пришлось прикрыть нашийным платком.

Через час этого безумного пути я все же заметил за холмом что-то похожее на дом и поспешил в ту сторону на слабый пульсирующий огонек.

– Денег мы не берем! – сказал старик в длинной белой сорочке, лишь только я высказал свою просьбу о чашке горячего чая и ночлеге за любые деньги.

– Мы презираем деньги! – подтвердила старуха в таком же одеянии. – Мы уже забыли, что это такое...

Но я ощущал острую потребность в отдыхе, перед тем как снова ступить за порог, туда, где выл ветер и шумел ливень. Я раскрыл перед ними свой чемодан.

– И вещей нам не нужно! – отрезал старик.

– Зачем нам вещи? Куда их надевать? – поддержала его старуха. – У нас есть все необходимое.

Старик пошел прямо на меня, пытаясь выставить за дверь.

– Так что же вам нужно? – выкрикнул я. – Неужели вы никогда не помогли ближним?

Эта мысль испугала меня. Если она была тут – такая маленькая и слабая, – ее тоже могли выставить за порог.

Старик и старуха переглянулись.

– Помощь ближнему не входит в наши обычаи... – сказал он. – Хотя исключение, конечно же, было... Однажды...

Я затаил дыхание. Возможно, сейчас я что-то узнаю о ней? Но старик уже переключился на другое:

– Ну ладно. Вы можете остаться. Если расскажете нам что-нибудь интересненькое. Ночь слишком длинная, а у нас – бессонница.

Я с облегчением кивнул и стал стягивать мокрые сапоги.

Старуха с недовольным видом принялась накрывать на стол: поставила кастрюлю с вареной картошкой, положила несколько мелких рыбешек и бесформенный кусок ржаного хлеба. Старик подкладывал в камин дрова. Я старался есть медленно, чтобы потянуть время, собраться с мыслями. А еще я думал о том, чем мог ее привлечь этот остров? Названием? Жаждой приключений? Возможностью отдохнуть от будничных забот? В волнении я размышлял над тем, как начать поиски, как завести речь о том, ради чего отправился в это трудное путешествие.

Едва я успел допить последний глоток чая, как старик со старухой тут же уселись напротив и, как по команде, подперли жилистыми руками свои морицинистые лица. Они не шутили. Они приготовились слушать. Чертов остров!

Я глубоко вдохнул и выдохнул... О чем им рассказать?

За окном продолжалась война деревьев, ветки настойчиво пытались разбить стекло.

Я начал говорить. Рассказал о том, где и кем работаю, кто мои родители, какие книги люблю читать и какие передачи идут сейчас по телевидению. Это их не вдохновило. Старики заерзали на стульях и с недовольным видом переглянулись. Я поспешил продолжить. Сообщил о результатах последнего футбольного матча, изложил теорию Дарвина о происхождении человека и кое-что из законов физики. Я отчаянно надеялся, что хозяева наконец заснут. Но они сидели, хмуро и злобно уставившись на меня. От их взглядов у меня в глазах лопались сосуды...

– ТА говорила покладнее, – пробурчал старик.

– Кто? – не сдержался я.

– Никто. Продолжайте. Или убирайтесь вон! – вменялась старуха.

Пришлось смириться и продолжать. Я стал исступленно читать стихи Превера. Получилось еще хуже, чем с законом Ньютона. Но, к счастью, странные хозяева наконец стали клевать носом. Я выглянул в окно – там уже серела утренняя дымка.

У меня появилась возможность осмотреться. Комната была просторной, в ней приятно пахло древесиной и травами, тихо потрескивали дрова в камине. Две кровати у стены, кресло, широкий стол, стулья – вся было сделано из добротного дерева. Ничего лишнего. Только один из углов был завешен легкой тканью, за которой тускло светился огонек. Я осторожно поднялся с кресла. Интересно, каким богам молятся эти отшельники?

Осторожно отвел в сторону занавеску. Над свечой на большом гвозде висела голубая лента...

Я узнал бы ее среди тысячи других! Я даже догадывался, как она может пахнуть – лавандой, а точнее – лавандовым шампунем...

Холодная и цепкая старческая рука впилась в мое плечо. Я с отвращением отбросил ее, будто это был паук или гусеница.

– Убирайся вон! – Глаза старика полыхали гневом.

– Что это? – спросил я, показывая на ленту.

– Вон! – Он задернул занавеску, и голубая лента исчезла...

– Но куда мне идти? Сдайте мне угол на пару недель. У меня тут есть дела...

– Вы плохой рассказчик, – понизил голос старик. – Идите к сестрам. Это в километре на запад отсюда. А нам квартиранты не нужны!

Хорошо, что хотя бы мои сапоги просохли! Я обулся, подхватил чемодан...

По крайней мере, теперь я знал: ОНА была тут.

Может быть, на этом острове я отыщу кого-нибудь, кто будет ко мне расположен более дружелюбно. Я вышел и окунулся в молочный туман. Деревья прекратили свою битву. Воздух был пропитан пряным запахом вырванной с корнем травы. Почему-то в момент гибели растения пахнут особенно остро...

Я вдруг подумал о том, как мало я знаю. И это показалось мне странным...

Перед тем как постучать в дверь следующего дома (это был аккуратный коттедж с веселенькими занавесками), я умылся у источника, кое-как поскреб щеки бритвой. Бессонная безумная ночь давала о себе знать: я едва волочил ватные ноги. Было ясно, что гостиницы тут никогда не было. Дома располагались далеко друг от друга, и люди были разобщены не только из-за отсутствия каких-либо признаков цивилизации – телефонной связи, радио, телевидения, а и самой природой. Чтобы добраться до коттеджа, я перевалил через несколько больших холмов и преодолел две лесополосы.

Итак, я побрился, снял галстук (в этой глуши он выглядел довольно смешно) и постучал в двери к тем, кого старики называли сестрами.

...Они действительно были похожи друг на друга. Две женщины неопределенного возраста, в одинаковых черных платьях с белыми воротничками, накрахмаленными с таким старанием, что на подбородках обеих дам проступали красные рубцы.

Доисторические ископаемые Викторианской эпохи не отводили взгляда от носков моих сапог. И так же, как и предыдущие аборигены, категорически отказались от денег, а после небольшой паузы – и от возможности проявить милосердие к усталому путнику.

– Вы же мужчина! – сказала одна, не понимая глаз.

– Мы отвыкли от мужчин! Мы вас боимся! – добавила другая.

– Но ведь я мог бы сделать что-нибудь полезное... Принести воды... Или еще что-нибудь... – стал умолять я, вспоминая условия стариков.

– Мы все делаем сами, – возразила одна.

– Но, – подхватила другая, – мы любим петь. А песен не знаем. Вот если бы вы спели нам что-нибудь...

«Этого еще не хватало – петь псалмы, – в сердцах подумал я, – да это остров каких-то сумасшедших!»

Но мой взгляд уже проник в комнату – в угол, к свече (такой же, как у стариков!), к предмету, который вырисовывался над тусклым огоньком. Тревога охватила меня и заставила покорно кивнуть головой.

...В доме сестер я пробыл почти сутки. С утра я просто улегся, не раздеваясь, на топчан в прихожей и притворился, что тут же заснул: не выживырнут же они на улицу уставшего сонного человека! Проснулся только на следующее утро от неприятного чувства, будто на меня кто-то смотрит. Женщины в черном действительно стояли надо мной. Едва я пошевелился, они поспешили опустить глаза.

– Можете поесть, – сказала одна. – Там, на столе, молоко и творог.

Все повторилось. Я медленно ел, понимая, что петь мне все же придется – было очевидно, что женщины ждут от меня концерта. А я думал лишь об одном: как бы заглянуть за занавеску. А после того как доел последние крошки, стал судорожно гадать, что же они хотят от меня услышать.

– Теперь пойте! – велели они.

Я с трудом вспомнил слова гимна моей страны.

– Не то, – пробормотала одна.

– Не то, – эхом отозвалась другая. – Таких песен мы не любим. Та пела иначе...

– Да о ком вы все говорите, черт побери! – не сдержался я. – Кого прячете на вашем проклятом острове?!

И тут обе нависли надо мною, как черные акулы. Острые лезвия воротничков сверкнули, сестры угрожающе зашипели:

– Вон отсюда!

Но я уже не мог сдержаться. Поэтому вскочил и бросился в угол, отдернул занавеску импровизированного алькова и ошеломленный замер: над свечой, на таком же точно, как у стариков, гвозде висели... ЕЕ босоножки.

Старенькие, с потертыми тоненькими ремешками. Я не мог ошибиться! Босоножки – не лента. Я отчетливо помнил каждую впадинку на ее тонюсеньких щиколотках и эти розовые ремешки, которые обхватывали их! Я резко обернулся, требуя объяснений и... уткнулся в дуло ружья, направленное мне в лицо...

...Я бежал, не разбирая дороги, прыгал от куста к кусту, а вдогонку слышались выстрелы. Чемодан, сигареты, сапоги – все осталось в чертовом коттедже. Бежал долго. Несколько раз падал в грязь, поднимался и снова бежал, пока звуки выстрелов стали едва слышны. Обессиленный, я оперся спиной на какой-то забор, медленно сполз по нему на землю и закрыл глаза...

...Я всегда был баловнем судьбы. Друзья считали меня душой компании, а женщины никогда первыми не бросали меня. Я принимал решения сам.

И вдруг эта жизненная программа забуксовала, все пошло кувырком. Три года я пребывал в отчаянии, напряженно размышлял над тем, почему она меня бросила. А потом отправился сюда: она всегда мечтала о диких безлюдных местах...

Не заметил, как уснул – вот так, в грязи, под чужим забором. Теперь у меня не было ни денег, ни чистого белья. Проснулся я от противного звука. Заглянул в щель в заборе: во дворе

двое мужчин пилили дрова. Одному было лет шестьдесят, другому – лет сорок. Похоже, это были отец и сын. Вид у них был вполне нормальный. Я открыл калитку и замер в нерешительности. Оба, оставив работу, двинулись мне навстречу. На всякий случай я бросил взгляд на остро заточенный кол, лежавший неподалеку.

Старший заговорил приветливо. Угостил самокруткой, в которую подсыпал какой-то неведомой мне травы. Наконец я имел возможность поговорить по-человечески, хоть что-то разузнать. И, начав издали, выяснил, что на острове издавна обитают четыре семьи – те, что сохранились от переселенцев, прибывших сюда в поисках покоя. Я вспомнил вчерашнюю бурю, холод, мокрую землю, вибрирующую под ногами, кружево паутины, натянутое между стволами...

– Вам, наверное, приходится нелегко?..

– Нам все равно, – ответил отец. – В этом и есть весь смысл Покоя. Вам этого не понять. Поэтому мы и не принимаем чужих.

– Никого из них?

– Никого...

– Значит, я первый?

Сын слегка закашлялся, отец похлопал его по спине.

Мы помолчали. Я – размышляя над тем, как продолжить разговор, они... Мне показалось, что и они думают о том же.

– То есть ваша цель – покой? – попытался удовлетворить свой интерес я. – Но ведь должна быть еще и какая-то жизненная философия, которая заставляет вас жить вот так – прятаться от цивилизации, прогресса, новых знаний...

– У нас все свое. Мы не подчиняемся чужим законам, – ответил отец. И перешел к странному рассуждению о морали Гондваны. Речь его была слишком длинной и не совсем понятной, как старинные письма. Я попробовал вникнуть в ее суть, выделить главное. И вдруг это главное само четко предстало передо мной, будто свод определенных правил. Вот они:

а) достояние лишь тогда остается достоянием, когда ты жалеешь о том, что утратил его; б) утратив его случайно или сознательно, ты надеешься все вернуть и страдаешь от того, что оно – где-то рядом и принадлежит кому-то другому; в) поэтому его стоит собственноручно положить на жертвенный костер; г) тогда вера в него останется неизменной, в чистом виде; д) ведь ты будешь уверен: ТАКОГО больше ни у кого нет и никто не воспользуется им. Оно – внутри тебя. Навсегда.

– Ничего себе! – улыбнулся я. – Это означает, что увидев цветок и обнаружив его неотразимость, его нужно... съесть. Уничтожить, растоптать?

– Да, – на удивление серьезно ответил отец.

– Конечно, – подтвердил сын.

Я замер, улыбка сползла с моего лица, а лоб покрылся холодным потом. То, что пришло мне в голову в это короткое мгновение, нельзя было выразить словами – лишь тошнотворный страх и дрожь в конечностях, как перед операцией...

Пытаясь ничем не выказать своего состояния, я попросил воды и на дрожащих ногах вошел вслед за хозяевами в дом. Огляделся. Огонек в углу за занавеской... Размытые контуры за ней...

Я отстранил протянутую руку с кружкой, сделал шаг навстречу тусклому мерцанию. Отвел в сторону ткань. На двух гвоздях, будто распятая бабочка, висел шифоновый платок. Мой подарок – с розовой (под цвет босоножек) оторочкой...

– Что это? – охрипшим голосом спросил я.

– Зря вы так... – нахмурился отец. – Вы нарушили часть нашей морали. Никто не имеет права видеть реликвии. Если хотите уцелеть – уносите отсюда ноги! Пока еще есть время до Большого Совета...

Меня не нужно было просить дважды. Я выскочил за порог. И снова бежал. И – не вру! – лучше бы мне вслед стреляли! На этот раз я бы не пытался уклониться... Закатное солнце опускалось на остров тяжелым красным щитом, давило на мозг. Я бежал, обхватив голову руками. Мне хотелось рыть землю у каждого холма, под каждым деревом. Ужас сменился гневом: я переверну эту болотистую землю, просею ее всю сквозь пальцы, но найду... Что? Что я хотел отыскать?!

Что-то больно ударило меня в висок. Теряя сознание, еще успел подумать, что чья-то пуля все же настигла меня...

...Но ошибся. Это был просто удар об дерево, который вывел меня из строя до самого утра. Холод вернул меня в сознание. Раскрыв глаза, я увидел мальчика. Он стоял надо мной неподвижно, будто памятник.

Ему было лет семь. Увидев, что я жив, он из предосторожности отступил в тень. Превозмогая боль, я поднялся и сел. Вид у меня был как у настоящего клошара, но мне было все равно. «Все равно!» Вот оно, это чувство, опустошающее и дарящее покой. Я с тоской посмотрел на мальчика – очевидно, это был потомок четвертой семьи, живущей на острове, последний могиканин этой странной местности, последняя жертва морали. Я окликнул его. Дети не врут, и у меня появилась надежда именно сейчас узнать правду. Всю правду, какой бы горькой она ни была. Но мальчик выдавил из горла какой-то невнятный звук, показывая на свои уши и рот. Он оказался глухонемым...

Я махнул ему рукой, он с опаской приблизился, сел рядом и вопросительно посмотрел мне в глаза. Я порылся в нагрудном кармане, вынул помятую фотографию, расправил ее на колене и показал мальчику. Он низко склонился над ней, выражения его лица я не видел.

Потом быстро вскочил. «Сейчас сбежит», – решил я. Он и правда отпрянул от меня на несколько метров и вдруг... О, это было настоящее представление! Он начал странно двигаться, изображая чью-то походку, – покачивался, прихрамывая, слегка перекосив стопу, тянул носок, как неумелый танцор. Все это выглядело смешно, но при этом грациозно. Потом он замер и с вопросительной растерянностью посмотрел на меня. «Что?» – кивком головы спросил я.

Тогда мальчик сделал странный жест: будто расчесывает длинные волосы, хотя сам был почти лысым. Видимо, таким образом он хотел развлечь меня. «Хватит! Молодец!» – жестом похвалил я его, все еще морщась от боли.

Но он не унимался. Судорожно помахал в воздухе своими худыми ручонками, будто стирая предыдущие картины. А потом сделал еще более странное движение: откинул с лица воображаемую прядь волос и провел пятерней по голове спереди назад, будто отбрасывая невидимую гриву волос себе за спину. Я замер. Я увидел ЕЕ. Так отчетливо, что у меня заныло сердце. Как я мог забыть эти жесты?! Мальчик копировал ее так точно, будто был прирожденным актером...

Я склонился над фотографией и впервые за всю жизнь узнал, что такое слезы.

Мальчик сел рядом и уткнулся в мое плечо. Я почувствовал, что сорочка в этом месте сразу промокла...

Сколько мы так просидели, не знаю. Хорошо, что он не мог говорить. Собственно, я больше ничего и не хотел знать. Я думал о достоянии, которое когда-то принадлежало мне. О том, что ничего не знаю о жизни, никому никогда не помог, знал и умел так мало, что мне нечего было отдать другим. И потому мог бы жить вечно – пусто и равнодушно. Мог бы стать достойным обитателем Гондваны.

Когда солнце вошло в зенит, мальчик заволновался, вскочил. Я испугался: не хотел терять его и не хотел идти за ним. Наверное, его родители ничем не отличаются от тех, с кем я уже успел познакомиться. Заметив мою тревогу, мальчик сделал успокаивающий жест и помчался куда-то в лес. Я остался один. Я не мог сообразить, что делать дальше. У меня зародилась надежда: а вдруг сейчас он вернется, ведя ее за руку!

И все изменится. Я полюблю эту землю, так напугавшую меня, вспомню чудесные истории и красивые песни – ведь я знал их в детстве! Научусь радоваться простым проявлениям жизни и природы. Построю дом. Выращу сад.

Я встрепнулся, заслышав шаги, зрение напряглось настолько, что я даже на миг ослеп.

...Мальчик шел один. Рука его была стиснута в кулак. Сев возле меня, он раскрыл ладонь – на ней лежали бусы и... ржавый гвоздь.

Лицо его было серьезным и сосредоточенным. Я понял: он совершил преступление. Ради меня и того, о чем я мог только догадываться. Назад пути у него не было. Я крепко сжал его руку. Я понял, что больше никого не предам. Возможно, ради этого простого жеста – взять за руку того, кто в этом нуждается, – я и приехал сюда?! Возможно, ОНА знала, что я еще способен на это?

...Я повел мальчика к берегу. Море было спокойным. Я быстро разложил костер, сделав его как можно выше. Мальчик помогал собирать хворост, подносил дрова. Все нужно было делать быстро, пока его не начали искать. Потом мы замерли, с волнением всматриваясь в горизонт. Только бы старик-лодочник заметил наш условный знак!

Яхта пришла, когда солнце уже растворилось в темной воде. Как и в прошлый раз, старик спешил, поднял бурю брызг и не приближался вплотную к берегу. Мы бросились в воду. Я едва успел забросить мальчика на борт и залезть сам. Яхта резко развернулась.

Обнявшись, мы смотрели на отдалявшийся остров. Вскоре его поглотил туман, он будто ушел под воду. С его моралью, реликвиями и божеством, которое я с такой легкостью упустил из рук несколько лет тому назад.

Я крепче сжал ладонь мальчика. И наконец смог улыбнуться...

...В комнате повисла тишина. Мне даже не хотелось спрашивать, где сейчас этот мальчик. И был ли он вообще? Мужчина поднялся, вежливо поклонился: «Я могу быть свободен?»

– Вы свободны, – ответила я.

– Конечно! – улыбнулся он. – Вы – тоже.

Было ясно, что мы говорим об одних и тех же вещах.

Дверь за ним закрылась. Я осталась сидеть в тишине. Заглянула медсестра.

– Красавчик, правда?

Ей уже хотелось наладить со мной отношения, чтобы иметь возможность заглядывать в этот кабинет, чтобы выпить чашечку кофе, покурить или подтянуть колготки. А еще ей, наверное, что-то рассказали обо мне, и в ее равнодушном взгляде появился интерес.

Что я должна была ответить? О чем могут говорить две симпатичные молодые женщины, работающие в одном месте? Бр-р-р...

Я пожалала плечами и стала смотреть в окно. Даже не заметила, как она вышла.

За окном был сад. Голый и босой, хотя чувствовалось, что вот-вот деревья зазеленеют. Они стояли напряженные и углубленные в свои внутренние процессы, в них двигались соки. Но нужно было дождаться тепла.

Я представила себе незнакомую женщину в полумраке кофейни на окраине какого-нибудь иностранного города – Праги, Парижа, Вены, Варшавы. О, лучше – Варшавы! (Я испытываю особые сентиментальные чувства к Польше, в которой никогда не была.) Кофейня маленькая – на семь столиков. Маленькая и пустая. За стеклянной дверью барабанит весен-

ний дождь. Деревянные столы и стулья, отполированная тысячами локтей барная стойка, запах кофе и тишина. Откуда-то доносится музыка. На женщине синяя вязаная кофта и пурпурная юбка – два ярких пятна, она только что закончила уборку, закрыла дверь. Она никого не ждет, ее дом – далеко. Она начинает танцевать. Она танцует. Медленно движется среди перевернутых стульев, прикрыв глаза. Она счастлива. В мире есть только сизый дождь, музыка, это маленькое пространство и она. Это – правда, реальность. Остальное – не имеет никакого значения... За окном и правда начался дождь – первый дождь после долгой зимы.

– Следующего, или пойдете домой? – снова заглянула медсестра.

На ее лице нарисовалось уважение. Я заметила: если с людьми не разговаривать, не улыбаться им и выказывать пренебрежение – они начинают относиться к тебе с большим уважением, чем тогда, когда ты пытаешься им всячески угодить.

До конца так называемого рабочего дня оставалось несколько часов. Но мне уже не терпелось скорее познакомиться со всеми своими «подопечными», и я решила пригласить кого-нибудь из женской палаты.

– Это – наша «финка», – сказала медсестра. – Считает, что живет в Финляндии. Сейчас повеселитесь...

Невысокая пухленькая женщина с острым носиком имела вид игривой девчонки. Она села передо мной и сразу же стала болтать ногами в шерстяных носках.

Видимо, на моем лице отобразилось нечто, потому что женщина тут же зашебетала.

– У меня нет причин жаловаться на судьбу! Нет, нет никаких причин. Никаких!

Как всегда, я потихоньку нажала кнопку магнитофона. После последнего посетителя на пленке еще осталось место.

Вечером я прослушала запись:

«...У меня нет причин жаловаться на судьбу.

После работы я иду ужинать в «Саагу». Это недалеко от музея-библиотеки. Если погода хорошая, обхожусь без велосипеда. Просто иду, дышу свежим воздухом. Точнее, не «дышу», а прямо ем его: мысленно разрезаю на кусочки, как прозрачное лимонное желе, и забрасываю в рот. А если это осень и со стороны Писпалы (это самый престижный район Тампере на берегу озера, где живут писатели и актеры) доносится запах сосновой хвои, грибов и синей-пресиней воды (от этого яркого цвета даже сводит зубы) – такой воздушный коктейль заменяет мне целую пачку витаминов.

Итак, я иду в «Саагу». После воздушного коктейля у меня просыпается волчий аппетит. Обычно я выбираю два блюда, хотя хватило бы и одного, ведь порции тут – огромные. На первое – суп из белых грибов, приготовленный на сливках, на второе – стейк-филе из лосося, обернутый в бекон, к нему – картофель с ароматом дягиля, овощная запеканка по-карельски и соус из ягод можжевельника. В «Харольде» я выпиваю рюмочку (не больше 30 граммов) фирменного морожикового шнапса. И чувствую себя бесконечно счастливой.

У меня нет причин жаловаться на судьбу...

На работе я часто слышу: «Ты же, на тебя приятно посмотреть! Ты такая, такая...» И слов не находят. Еще бы! Я же бывшая стюардесса международных авиалиний. А туда кого попали не берут – только длинноногих, стройных, проворных. Если бы не небо – сидела бы я в деревне под Непмировым и вязала варежки на продажу, как это делает моя сестра. И, ясное дело, никогда не узнала бы, что такое «тартар из белой куропатки»... А это очень-очень вкусно, по-фински – «херкуллиста».

С Арто Ваатаном я познакомилась в самолете. Мужчина, сидевший на месте «17С», заказал виски раньше положенного времени. Я могла бы и отказать, но у него в руках была книга о Мумми-Троллях. Такой солидный господин. Немного похож на пекинеса – короткий

нос, большие, широко посаженные глаза – и детская книжка! Я принесла виски и попросила разрешения посмотреть картинки. Так началось знакомство. Потом он всегда брал билет на мой рейс из Хельсинки до Киева и обратно. Летал часто. Имел вид солидного бизнесмена. Как выяснилось позже, бизнес у него был ма-а-а-ленький (что-то связанное с поставкой консервированной морошки). Но у него был свой дом с сауной на окраине Тампере, двое взрослых детей, живших отдельно, и свобода выбора. И он выбрал меня.

А через полтора года после свадьбы оказалось, что Арто Ваатан – романтик. Таких я встречала и у себя на родине в большом количестве. Муж сначала прилично выпивал, потом бросил свой бизнес и подался к родителям в Лапландию, пояснив свой поступок старой финской поговоркой: «Хочешь быть богатым – работай в городе, хочешь быть счастливым и свободным – стань оленеводом!» Он выбрал второе. Больше я его не видела. И все бы ничего, но дом он завещал детям...

Но мне было все равно. Ведь замуж я выходила не по большой любви. Просто примерно в то же время, когда он мне подвернулся на месте «17С», как раз пошли слухи, что меня спишут на землю. И я ужасно волновалась. Не знаю, чем я так насолила команде! Наверное, бортинженер решил взять на мое место свою приятельницу. Но ведь небо для меня – это все! Некоторые боятся летать, а я могла бы распахнуть люк и легко пробежаться по небесам. Уверена: никогда бы не упала! Однажды я попыталась это сделать. Вот после этого случая, когда милый Арто помогал моей напарнице отпаивать меня водой, и начались репрессии, поползли слухи. Представляю, как шипели мои завистники, когда Арто забрал меня к себе!

А уже потом был этот музей...

– Не знаю. Просто не знаю, что делать... – услышала я, как говорит директор роува Саатаннен. – Какой тут может быть выход?..

Она не догадывалась, что перегородка между ее кабинетом и подсобным помещением тоненькая, как картон. Или, скорее, у меня тонкий слух. Ведь если у человека тонкий вкус, наверное, и все остальное у него тонкое, деликатное...

– Какой может быть выход? – продолжает роува Саатанне, разговаривая с администратором роува Пайве. – Что с ней делать? Какая несчастная судьба! Совсем одна, в чуждой стране... Сколько же ее тут держать? На это место давно претендует Ярмо. У него замечательная научная монография по детской литературе.

– Да она, корова, всем тут поперек горла! – говорит роува Пайве и даже зубами щелкает (она недобрая, эта администраторша!). – Неужели сама не понимает? Зачем вы ее выбрали?!

– Вы слишком суровы, – прерывает ее директриса.

– Это вы слишком мягки, роува! – не унимается администраторша. – Ей место в приюте для одиноких.

Роува Саатанне что-то отвечает своим тихим голосом, а я погружаюсь в фантазии. Я представляю себе несчастную толстую и одинокую корову, которая носится по снежной пустыне в поисках травы...

Я хорошенько умываюсь в туалете музея. Тут так красиво! Всюду пластик, стекло, разноцветный кафель и очень хорошо пахнет (когда летала, следила за тем, чтобы в туалете нашего самолета всегда был освежитель воздуха с клубничным запахом). Надеваю роскошное платье – я сшила его сама, еще когда жила с Арто. Оно черное, с кружевом и рюшами, талия – низкая, на груди – большой бархатный бант, снизу – широкая оборка. Ресницы и губы я всегда старательно подчеркиваю – осталась привычка от бывшей профессии. Мне же работать на людей!

Собираюсь я быстро. И выхожу в холл. Сажусь на краешек стула за стойкой, где царит роува Пайве, и складываю руки на коленях.

Вскоре придут первые посетители. Я так жду их, что не могу усидеть на месте. Волнуюсь, не помялся ли бант или оборка, поглядываю на себя в зеркальце, поправляю прическу. От волнения у меня пересыхают губы.

Я работаю экскурсоводом в музее Мумми-Троллей. Вот и не верь после этого в судьбу! Из-за этой книги я познакомилась с Арто. Потом я перечитала все девять книг. И поняла, что они написаны обо мне. Точнее, написаны так, как могла бы написать их я. Когда в музей приходят дети и я возжу их от стенда к стенду, от экспозиции к экспозиции, я рассказываю им новые сказки – продолжение историй о семье забавных лесных существ. Я рассказываю их очень тихо, чтобы – не приведи Бог! – не услышала роува Пайве!

Только однажды какой-то паренек стал спорить со мной. Он был уже довольно взрослый и наглый. «Вы же не Туве Янсон!» – сказал он.

С той поры мое имя – Туве. Туве Янсон. И с тех пор я боюсь и не люблю детей. Они дотошные. У них потные ладошки и влажные носы. Они все время жуют жвачки и выдувают из них большие разноцветные пузыри именно тогда, когда я рассказываю им удивительные истории. О том, как я поселилась на острове со своей подругой-художницей и мы круглосуточно создавали живые иллюстрации к моим сказкам из дерева, камня, стекла, папье-маше и других подручных средств. Завывал ветер, мела метелица... Мы разводили огонь в камине и клеили фигурки Мумми-Троллей и их друзей.

Обычно дети выдувают пузыри, хихикают. А я щелкаю выключателем – экспозиционный зал погружается в темноту. Только загадочно светятся большие стеклянные кубы со сказочными персонажами. В темноте они оживают, их стеклянные глазки поблескивают, носы морщатся, они начинают двигаться и смеяться... Мне нравится наблюдать за тем, как пугается детвора. Как они замирают и перестают жевать. Я рассказываю о том, как жуткие маленькие существа с цепкими лапками нападают врасплох, приклеиваются ладошками к телу озорника и уносят его далеко-далеко от дома, Могут бросить в море. Или еще куда подальше... Я рассказываю о ненасытном празднике – Рождестве, для которого люди готовят горы салатов, пирогов, убивают целое стадо коров и стаи индюшек...

Краем глаза слежу за коридором и если замечаю директрису или роува Пайве, быстро включаю свет...

– Вот какая замечательная писательница жила в нашей стране! Вот какие чудесные сказки она писала для вас, дорогие дети! – бодро заканчиваю экскурсию.

...О, я знаю: когда они вернутся к себе домой и лягут в теплые постельки, им приснятся Цепкие Лапки. И они – те, кто бросает в меня камешки летом и острые ледышки зимой, – долго будут ворочаться и всхлипывать во сне.

А я ночую в музее. Закрываю его за роува Саатаннен, которая уходит последней. И остаюсь наедине со своими маленькими друзьями. Пусть роува Пайве и роува Саатаннен считают, что я сплю в своем уголке. Дудки!

Я иду в зал, где голубым светом сияют стеклянные кубы с экспозициями. В них – моя семья.

– Туве, тебе тепло? Тебе весело? – спрашивает Мумми-мама.

– Туве, сегодня прохладно. Ты надела теплые носки? – спрашивает Мумми-папа.

Я плачу. Я рассказываю им о небе, о своем городе, который никогда не увижу, и о том, что мне некому приготовить индейку на Рождество.

И тогда все они выходят из своих прозрачных кубов – семья Мумми-Троллей, фрекен Снорк, Снифф, Снусмумрик, – берут меня в веселый круг, поют и танцуют. И я пою и танцую вместе с ними. Они ведут меня к кукольному домику, в котором столько красивых ком-

нат, пропахших запахом трав, кружевные занавески на окнах, теплые одеяла, мягкие подушки и даже крохотные свечечки на лакированном черном рояле.

Мумми-мама укладывает меня в кровать, завешенную розовой занавеской, заботливо укутывает мне ноги своим шерстяным платком...

– Спи, моя родная, – говорит Мумми-мама. – Завтра наступит новый день. Я тебя никому не отдам. Ты всегда будешь с нами...

Я засыпаю счастливой.

У меня нет причин жаловаться на судьбу...

6

...Я пишу быстро и неразборчиво. Пытаюсь успеть записать все, ничего не объясняя. Тороплюсь, пока черная дыра не затянула меня в свою пасть, чтобы чувство стыда и безысходности не поглотило меня. Пока что мне это плохо удается. Хотя держусь я довольно хорошо. И потом – имя... Великая магия инерции.

Я честно отдаю кассеты директору. Но перед этим прослушиваю их и – с промежутками в несколько минут – нажимаю на кнопку «Record», при этом на них получается какое-то непонятное кваканье.

– Понимаете, – объясняет мне главврач (он думает, что мне это интересно, что я тут только для того, чтобы написать нечто эпохальное о его сраной больнице), – чаще всего симптоматичные психозы наблюдаются на фоне картинной депрессии, депрессивно-бредового, галлюцинарно-параноидального состояний, апатичного ступора, маниакальных расстройств, конфабулеза, псевдопаралитического и транзиторного корсаковского синдромов.

В его речи нет никаких подозрительных вкраплений. Даже если бы я записала все это на кассету – речь четкая и маниакальная. Он даже хватает меня за пуговицу джинсовой куртки и нервно пытается открутить ее.

– Депрессивные состояния в одном случае сопровождаются идеаторной и моторной заторможенностью и напоминают фазу маниакально-депрессивного психоза. Различие только в перманентной астении, которая усиливается к вечеру. В других случаях картина депрессии очень напоминает симптомы инволюционной меланхолии: больные возбуждены, взволнованы, все время повторяют одни и те же фразы...

У меня нет причин жаловаться на судьбу...

У меня нет причин жаловаться на судьбу...

У меня...

...Теперь у меня точно их нет!

– Может, кофе? – говорит наконец врач. У него густая черная борода, в которой застряли крошки хлеба – наверное, только что съел бутерброд. Его рука все еще крутит мою пуговицу и начинает потеть прямо на глазах, ладонь красная, как задница павиана.

Порой я думаю, что на теле человека есть более срамные места, чем те, которые он привык скрывать под одеждой. Например, внутренняя сторона ладони или стопа, или мочка уха. Ухо – это вообще... Наверное, Ван Гог почувствовал этот стыд первым.

Дома я отыскиваю на полках монографию профессора Б. А. Целибеева с историей болезни Ван Гога:

«Ночью он несколько раз подходил к постели Гогена и пристально на него смотрел, когда последний спрашивал Винсента, в чем дело, тот молча ложился.

На следующее утро в кафе Винсент внезапно бросил стакан с абсентом в голову Гогена, который после этого увел Винсента домой, где он сразу уснул.

Вечером он пытался напасть на Гогена с открытой бритвой.

Гоген: «Я уже почти прошел площадь Виктора Гюго, как услышал за собой хорошо мне знакомый нервный и торопливый шаг. Я обернулся как раз в тот момент, когда Винсент бросился на меня с бритвой в руке. Взгляд мой в эту минуту, должно быть, был очень могуч, так как он остановился и, склонив голову, бегом бросился домой».

В тот же вечер, придя домой, Ван-Гог отрезал у себя часть уха, долго останавливал кровотечение, а затем вымыл отрезанное ухо, аккуратно его завернул в салфетку и отнес в ранее им посещаемый публичный дом. Там он отдал его одной из его обитательниц, сказав: «Вот сувенир от меня»...

Вернувшись домой, Винсент крепко уснул, на следующее утро полиция явилась к нему с обвинениями в покушении на Гогена...

Винсента забрали в больницу, где он какое-то время пребывал в возбужденном состоянии...

Периодически он умолкал и замирал в одной и той же позе...

Потом сделал рисунок с изображением толпы со свечами на шляпах и подписал его:

«Человечество – это хлеб, который предстоит сжать...»

...Я дотрагиваюсь до своего уха. Оно розовое и не мясистое. Его трудно ненавидеть, ведь на первый взгляд оно – беззащитное и доверчивое. В него можно вдеть сережку, нашептывать брутальные слова, сливать «дезу», влить яд, им можно любоваться и описывать в любовном романе, его можно дергать, когда врешь, сворачивать в трогательную трубочку, оно поддерживает солнцезащитные очки и порой живет своей жизнью. Ухо слышит только то, что хочет слышать. И поэтому оно – опасное. От того, какую информацию оно доносит до всего организма, зависит жизнь этого организма.

Порой я уже ничего не понимаю. Мое ухо завяло и свисает на плечо, как прошлогодний лист...

Утром я с нетерпением ждала следующей встречи. Это была девушка с шикарными рыжими волосами и бледным плоским лицом, халат на ней смотрелся как средневековая накидка. Казалось, стоит ей шевельнуть плечами – и она спадет, как лягушачья кожа, а под ней окажется нечто необычное – серебряная чешуя, фосфоресцирующее удлиненное тело инопланетянки или – ничего вовсе...

– Сирота... – прошептала мне медсестра, – считает, что она Жанна д'Арк.

Она многозначительно хмыкнула и закрыла за собой дверь.

Девушка молчала, опустив глаза.

– Жанна, – произнесла я очень тихо, – Жанна, не бойся... Я тебе верю...

Она быстро подняла голову, взглянула синими-пресиними глазами. Мне даже показалось, что они отбросили два отблеска на белые больничные стены моего кабинета. Я очень хотела услышать ее историю...

«Много раз мне хотелось произнести эту фразу: «Кто верит в меня – за мной!» В детстве я любила сидеть у окна, ощущать на щеках и пальцах трепетное прикосновение солнечных зайчиков и вышивать шелковыми нитками, зашифровывая слова в узор, на котором переплетались стебли пурпурной розы, белых лилий и кувишинок.

«Кто верит в меня...»

Но мне не верили. И не любили меня. Ни в Обители Младенцев, ни тут, в Приюте. Помню, когда мне было пять лет, я отчаянно старалась влиться в шумный детский коллектив, стать его частью, кирпичиком в монолите, чтобы в случае опасности иметь возможность укрыться среди себе подобных или погибнуть – вместе со всеми.

Но я почему-то никак не могла встроиться в этот монолит!

Вот первое воспоминание об этом чувстве своей «треугольности».

...Девчонки-ровесницы о чем-то оживленно разговаривали. Я напряженно прислушивалась, пытаясь уловить смысл их разговора по обрывочным фразам.

– Оно такое черное-черное, – говорила одна, – черное-черное-пречерное! Даже светится чернотой!

– И на нем – звезды! – с восторгом подхватила другая. – Такие золотые-золотые, аж серебряные!

У меня дух захватило от красоты этих слов. Я осторожно подошла поближе и сказала как можно громче:

– А у меня есть такое платье!

Девочки на мгновение умолкли, вопросительно переглянулись, будто эту реплику отпустила одна из них. А потом вернулись к своему разговору. Вот и все.

Так же было и с остальным. И позже, спустя годы. Меня не замечали. Обо мне не говорили. Даже нянечки и учителя не смотрели на меня. Обычно их взгляды скользили поверх моей головы или останавливались на носках моих деревянных башмаков. Из-за этого я и боялась поднять глаза. Стыдилась и всегда, сколько себя помню, смотрела вниз, в пол. От этого глаза постоянно уставали.

Однажды я случайно услышала, как Верховная Настоятельница давала указания сестре-хозяйке:

– Эту (то есть меня) отселить в отдельную комнату. И... И вот что... – снимите зеркало. Оно ей ни к чему.

С тех пор я жила отдельно от других в тесной неудобной комнатике с узким, как бойница, окном. Именно около него я просиживала долгими летними вечерами и вышивала розу, лилии и кувшинки.

...Голоса я начала слышать давно. Может быть, именно из-за них меня так не любили.

Но я не хотела, чтобы эти голоса исчезли, ушли от меня. Потому что они рассказывали мне о множестве интересных вещей. Например, о далеких странах и бескрайних морях, о рыцарях в серебряных доспехах, о цветах, в которых живут маленькие крылатые человечки...

Иногда я задавала вопросы (довольно громко, их, наверное, могли слышать другие), и голоса отвечали. Но отвечали только для меня. Это было обидным! Ведь ровесники из-за этого шарахались от меня, а учителя раздраженно покашливали и переглядывались с ними. Я пыталась рассказать о том, что услышала, но всегда оставалась в одиночестве – в полной тишине, не замечая, что говорю сама с собой. О, какие же они неразумные, думала я, пересказывая историю Войны Алой и Белой розы.

– Почему они бегут от меня? – спрашивала я, размазывая по щекам соленую воду, текущую из-под моих ресниц.

«Потому что мало знают, – отвечали голоса, – много едят, много спят... Потому что они круглые и толстые...»

– А я? Какая я? – спрашивала у них (у меня же не было зеркала).

«Ты – разная...»

– А я могу стать круглой и гладкой? – с надеждой спрашивала я.

«Можешь, – слышала в ответ. – Конечно, можешь. Но тогда мы уйдем...»

А ведь я так боялась остаться без их историй! Хотя играть с другими детьми мне тоже ужасно хотелось! Противоречия терзали меня. Я мечтала быть такой, как все. Чтобы не опускать глаз, чтобы принимать участие в общих разговорах, быть равной среди равных. В то же время мне нужно было знать ответы на тысячи вопросов. А их могли дать только голоса, которые почему-то выбрали своим пристанищем мою бедную, всегда склоненную голову. Из-за них я чувствовала себя изгоем.

Но не только из-за них! Было, скорее всего, еще что-то, чего я не могла постичь своим детским умом.

– Ты должна стыдиться! – часто слышала я от учителей и воспитателей. Я старалась как можно скорее укрыться в своей комнатухе, сесть у окна и приняться вышивать зашифрованную фразу. «Кто верит в меня...»

Я вышивала и думала, думала. Видела свои руки, проворные пальцы с иголкой – они казались мне слишком тонкими. Может быть, их я должна стыдиться?

Рассматривала свои ноги и перебрасывала косу за плечо – она была необычного цвета... Может быть, это причина для стыда?

А когда уши мои уже пылали, а из-под ресниц снова текли соленые ручейки, я слышала колыбельную:

*Дин-дон!
Будет сон...
Трень-брень!
Будет день...
Тик-так!
Будет знак...
Тонь-тонь!
Будет конь...
Бом-бом!
Будет дом...*

Я засыпала, много раз повторяя магические слова: «Сон-день-знак-конь-дом». И понимала их так: я усну, а когда проснусь, получу какой-то знак. И тогда я сяду на коня и поеду туда, где мне верят. Поеду домой...

Шли годы. Я научилась многим вещам. В Приюте работала в саду, пряла и ткала, носила воду из колодца. Когда мне исполнилось шестнадцать, по традиции мне подарили пирог с шестнадцатью свечами. Но поставили его не в общем зале, как это делалось для других, а просто занесли в мою комнату, чтобы я съела его сама. Я попыталась позвать к себе тех, с кем прожила тут все годы. Но голос мой был слишком тихим и дрожал, я, как всегда, не поднимала глаз – меня никто не услышал. А если и услышали, то сделали вид, что не слышат...

Пирог был кислым и соленым. Я бросала крошки за окно, и их даже птички не клевали... Я смотрела на высокий каменный забор Приюта, на пятачок двора с желтой травой, куда никогда не проникали лучи солнца. И сама чувствовала себя травой – увядшей и скошенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.